

РУБЕЖ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

П.Н.КОРНЕВУЧУК

Петр Николаевич Корнейчук

Рубеж

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66629810

SelfPub; 2021

Аннотация

Рассказ о первом и единственном боевом опыте в Сирии от человека, который оказался там если не случайно, то точно лихим стечением обстоятельств – будучи уже взрослым и осознанно перевернувшим свою жизнь, взяв в руки оружие. Данная книга – это один из ответов на вопрос, почему человека тянет обратно туда, откуда многие бегут без оглядки, а так же, какова война изнутри, есть ли жизнь между стрельбой и ненавистью?

P.S. Все средства с продажи данной книги отправятся в фонд поддержки ветеранам боевых действий.

Содержит нецензурную брань.

Петр Корнейчук

Рубеж

То, что Вы, уважаемый читатель, держите сейчас в руках, не является пропагандой, призывом или восхвалением того или иного. Это просто осознанный шаг автора оставить прошлое в прошлом и одновременно попытка ответить на вопрос, почему же человека тянет в зону вооруженных конфликтов, причем людей различного возраста, мировоззрения и социального статуса. Уверен, что доля ностальгии есть у любого ветерана боевых действий, чем бы ни закончилась его личная война – та часть жизни навсегда останется гулким эхом в коридоре моментов жизни.

Сразу стоит отметить, что описание некоторых моментов – это лишь субъективное восприятие, наложенное на обстоятельства: я не питаю ненависти к каким-либо народам, да и не мне судить.

Десять лет длится эта война. Война меняет и пожирает абсолютно всё.

Я не буду, да и пока что не могу описывать все подробности кровопролитных моментов и/или раскрывать государственные тайны – операция в Сирии достаточно хорошо освещена во многих информационных источниках, где хватает крови, жестокости и всего сопутствующего войне. В данном труде будет лишь рассказ об увиденном через приз-

му некогда гражданского человека, очутившегося там, где не планировалось еще год назад: ощущения, переживания и погружение Вас, уважаемый читатель, в атмосферу, мною прочувствованную.

Все подробности и указания каких-либо объектов, которые вы тут встретите – абсолютно открытые названия, которые также встречаются в СМИ, в открытых источниках; фамилии, имена и звания, разумеется, заменены – что не так важно.

Коротко о себе: на момент командировки я служил в батальоне разведки российской армии контрактником. Мне уже было двадцать восемь лет, я не был восемнадцатилетним запуганным мальчишкой.

Отмечу, что силком или под угрозой репрессий меня никто в командировку не тащил, пройденное – это мой выбор. Разумеется, невозможно не задумываться о боевых командировках, подписывая контракт в армию, тем более в элитное подразделение. Хотя отказ от командировки по тем или иным причинам принимался, но подобные случаи не носили массового характера.

К моменту командировки я прослужил в армии более двух лет, считался подготовленным бойцом, как в целом и весь наш батальон. Да и сама командировка не стала неожиданностью – подготовка была долгой. В нее входило и боевое слаживание, и отработка специальных навыков и задач, и обучение личного состава работы на технике, вооружении

и средствах связи, которые используются в Сирии или были созданы специально для Сирии; разумеется, подготовка документов, медицинские осмотры и прочие мероприятия. Подготовка предусматривала также теоретическую часть, занятия по медицине, психологические тесты. За время прохождения всех этапов подготовки я имел возможность отказаться от командировки. Стоит сказать, что в Сирию не отправляли солдат срочной службы – весь состав военного присутствия был контрактный.

Описанные мною события – наиболее запоминающиеся, передающие общую картину и обстановку, которая близка всем участникам кампании в Сирии. Разумеется, у каждого командировка была своя, каждый для себя сохранил свой случай, который вклинился в психику и долгую память; я перечислил, отмечу, не все, а только те моменты, которые, на мой взгляд, наиболее интересны и будут понятны для тех, кто никогда не был и, надеюсь, никогда не будет в зоне вооруженного конфликта.

Итак, начнем.

Глава 1

8\1. Успешно.

- Нет, «ветеранка» платится, если три дня побыл там.
- Это если даже просто на базе просидел?

– Ну да. И бабки тоже, у нас нет «боевых».

– А, ну заебись, главное, три дня продержаться, и все – «ветеранку» получаешь!

– Ну, типа того.

«Ветеранка» – это статус и удостоверение ветерана боевых действий. Это «корочки», которыми гордится каждый военный, как осязаемое подтверждение того, что ты был на войне; это своеобразная квинтэссенция войсковой службы. Точно так же, как бытует мнение, что «не служил – не мужик», на военных с длительным стажем косовато смотрят, если он не участвовал по прямому назначению армии – не воевал. Главное, что есть «ветеранка», а остальное – разберем.

Подобные разговоры мы вели уже в военном аэропорту, где ждали свой борт на Хмеймим – российскую военную базу в Сирии.

– Ноги замерзли, пошли в автобус греться! – предложил мне товарищ

– Пошли. Слякоть ебаная – не зима, а черте-что, – согласился я.

Сели в автобус. Мой товарищ завел беседу с другими греющимися в автобусе, а я уставился в окно, наблюдая за взлетной полосой военного аэропорта.

Зима того года и правда была ужасной – по крайней мере та часть, которую я застал в России – слякоть, осадки и снова слякоть. Соответственно, при большой влажности, пусть

даже при слабом морозе, длительное нахождение на улице было чревато продрогшим телом и сырой одеждой.

Как раз оно, длительное пребывание на улице, нас и настигло: первый борт с двумя ротами нашего батальона улетел, мы ждали второй, который заберет нас. Военно-транспортная авиация – самая непрогнозируемая структура, поэтому мне оставалось сидеть, смотреть в окно и довольствоваться видом военного аэропорта.

Серость, слякоть, самолеты и вертолеты по бокам. Судя по внешнему виду, единственное место, куда долетят эти самолеты, так это в плавильню, но все же турбины заботливо упакованы в специальные чехлы, вокруг них нет сугробов и около каждого стоит какая-то табличка.

Ангары, бараки, грузовики, стволы деревьев и заново: ангары, бараки, стволы деревьев. Былая монументальность и мощь авиабазы словно съжились на зимовку, и, стесняясь нас, прячутся по углам огромной территории.

Самолет за нами не летит.

Пора выходить – надо дать погреться следующим, да и ноги затекают сидеть.

Самолет не летит.

Снова пошли смешки и толки, что сейчас опять не улетим, как было в предыдущие разы, когда мы уже собирались и даже выезжали, но, как сказано было выше, военно-транспортная авиация структура нестабильная. Потрепала она нервы родным и любимым знатно: я раз пять отправлял смс, где

писал, что люблю и улетаю; потом все отменялось, и я сообщал, что вечером собираюсь домой.

Периодически водители, привезшие нас и наши вещи, прогревали машины. Вещей было много: оружие, средства связи, сухпайки, амуниция, ручная кладь. Признаться, таскать это все несколько раз на дню на строевые смотры было напряжно.

Разводили костры, общались, курили и смеялись. Вспоминали еще вчерашние и утренние события так, будто это было давно, и уже веяло легкой ностальгией, возможно, это был некий предвестник тоски по дому.

Прилетевший за нами ИЛ-76 на самом деле казался маленьким таким бочонком, и, оглянувшись на наш состав, было непонятно, как он вместит 100 человек и три машины имущества. Знаменитая его «улыбка» – расположение иллюминаторов для пилотов – веселила и приглашала на борт. Мы встали и зачем-то взяли в руки свои вещи.

– Куда собрались? Он сейчас будет заправляться, – окрикнул нас командир.

Собственно, идти нам некуда, мы напоследок нагрели чай. Обстановка накалялась: мы все громче смеялись, ярче шутили и чаще курили.

Бензовоз военного аэропорта – это такой древний, даже, наверное, винтажный грузовик из теплых комедий Гайдая, в прекрасном состоянии. Справился со своей задачей он минут за сорок, после чего была команда водителям выдвигать-

ся к самолету.

Темнело.

– Ну че, блядь, бегом-бегом-бегом к самолету! Грузимся!

Неимоверно четко мы подошли к аппарели самолета. Я увидел внутренность борта: две деревянные лавки по бокам и... все. Это пространство предназначалось для нашей поклажи, которую мы стали выгружать из грузовиков цепочкой под надзором командира:

– Сначала сухпайки! Ровнее, ёптвашу душу мать!

– Так, средства связи и ящики с оружием!

В десятый раз мы таскали средства связи и ящики с оружием. На этот раз они показались легче и удобнее – общий труд и молчание.

Молчание было вызвано тем, что это уже все серьёзно и не шутики; тем, что – пора. Два месяца ожидания, слаживания, учений и бюрократического ада вылилось в гробовое молчание солдат, грузящих ящики в самолет.

– Рюкзаки!

Цепочка рук, передающих вещи, слаженно работала. На погрузку ушло минут двадцать, заодно и погрелись.

– Заебись. Все выходим. Строимся!

Строиться – это как «Отче наш», это начало и конец всех действий в армии. Не знаешь, чем занять личный состав – «Строиться!» – там придумаешь. Нужно что-то сказать – «Строиться!»

Мы выстроились. Разумеется, переключка и проверка до-

кументов. Вышел командир экипажа, который должен был нам провести инструктаж. Не зря говорят: когда военные писали устав – пилоты были в небе. Вышел улыбочивый офицер, оглядел нас, усмехнулся.

Инструктаж выглядел примерно так:

– Ну че, парни, сейчас полетим. Лететь примерно пять часов, в самолете не пить, не курить, не трахаться. Туалета нет, есть ведро. Кто последний в него пойдет – тот его выносит. Вопросы есть? Вопросов нет.

Отсутствие туалета моментально спровоцировало наши мочеиспускательные системы изыскать резервы на крайний раз пописать на родных просторах, на что нам выделили пять минут.

Бегом по сугробам, писать и курить – желательно не перепутать.

Посадка в самолет была совмещена с проверкой наличия личного состава. Называлась фамилия – мы заходили и располагались на максимально уютных деревянных лавках.

Быстро-быстро-быстро. Не думать. Не думать, куда и зачем мы летим, что нас там ждет, кто вернется, и зачем вообще я пихаю ящики с оружием в военный самолет. Все, что было до этого – уже ностальгия и тоска по Родине. Правда, думай не думай, а на деревянных сидюшках неудобно. Вариант один нашелся сразу – улечься сверху на наш багаж. Благо, что коробки сухпайков большие и сложены аккуратно.

Взлет.

Самолет трясет.

– На жвачку! – предложил мне товарищ.

– Зачем?

– Чтобы уши при наборе высоты не закладывало сильно!

Его я еле расслышал, потому что гул и вибрация убивали весь остальной звук.

– Спасибо!

Иллюминаторов в военном самолете по одному с каждой стороны, в начале фюзеляжа. При взлёте у меня не было возможности тоскливо бросить взгляд на родную землю, проще было только смотреть друг на друга.

Взлетели.

Сразу же было нарушено первое правило, озвученное пилотом: тот же товарищ достал флягу самогона, и мы сразу же выпили, сидя на половине тонны закуски.

Сырые, уставшие и замерзшие, мы оценили опыт нашего товарища. Для него эта командировка не первая, поэтому жвачка и самогон отнюдь не просто так появились.

Когда включилось отопление, нас моментально стало морить в сон. Желания поностальгировать не было; радостно только, что пока был последний перекур перед загрузкой, я успел отослать смс родным.

Лежу, смотрю в потолок, боюсь вибрации. Мысли, мысли, мысли. Их поток был настолько широк, что я не мог уцепиться хотя бы за одну. Чтобы пообщаться с товарищами, нужно было и привлечь внимание, и проорать в ухо то, что хочешь

сказать. Часто собеседник просто кивал, не разбираясь, чего ты от него хочешь – и этого было вполне достаточно. Взаимодействие состоялось – и ладно.

Калейдоскоп мыслей и одновременно пустота внутри. Перед тем как я заснул, одна все же задержалась на некоторое время, заставив меня кратко заострить внимание на одном факте:

Я восьмой раз в жизни взлетал в воздух, но никогда до этого не приземлялся. В основном, выходил на полпути с парашютом. Первое мое логическое завершение полета, приземление, произошло успешно, после восьмого взлета.

8\1 – успешно.

Глава 2

Воздух устава.

Приземление ознаменовалось крутым поворотом самолета, что заставило нас проснуться. Было светло. Когда самолет наклонялся, в единственный иллюминатор было видно синее море; когда самолет принял другое положение, удалось разглядеть ту часть суши, куда мы собираемся приземлиться – это настоящая зеленая гавань. Ожидая увидеть барханы песка, в тревоге размышляя об условиях жизни в песчаной стране, мы выдохнули, взглянув в крохотное окошечко. Я оглядел своих товарищей: те, кому не повезло залезть на

коробки, как могли ютились на узких лавочках с сидушками, порой принимая невозможные геометрические позы; на дремлющих их лицах – усталость и никаких эмоций. По мере приземления все просыпались и пытались хоть как-то потянуться, чтобы спросить свое тело: «Ты еще моё?».

Шасси самолета коснулись посадочной полосы: теперь я ощутил ту вибрацию, которой не боялся, наоборот – ждал. Катился по посадочной полосе самолет довольно долго, настало время осмотреть фюзеляж изнутри: сплошное железо, спаянное грубыми клепками, везде надписи «не трогать», «не крутить», некоторые элементы выкрашены красным. Однако такая простота почему-то прибавляла надежности. Это очень честный самолёт.

Открылась аппарель, прозвучала любимая команда:
– Так, ничего с собой не берем. Выходим, строимся!

Как только открылась аппарель, я попытался разглядеть все и сразу: виден был лишь бетон и военный грузовик, приехавший за нами. Мы вышли.

Я никогда не чувствовал себя так нелепо, как в тот момент, когда вышел из самолета: в зимней одежде – бушлат, шапка, берцы, уставший и потрепанный, я оказался под лучами восточного солнца. Меня обдал тёплый морской бриз. Я сразу обратил внимание на декоративные пальмы и кипарисы, на холмы и горы. Это было невероятное контрастное зрелище после слякоти средней России.

То место, где находится база Хмеймим – бывший граж-

данский аэропорт на территории провинции Латакия, — это визитная карточка Сирии, «зеленая жемчужина». Климат очень и очень похож на климат Сочи, даже холмы и горы похожи на сочинские, правда, здесь «трава зеленее». Это то место, где собирают урожай два раза в год, где попытка сорвать апельсины с дерева будет встречена местными удивлением и смехом — они растут везде, как яблоко-дичка. Температура +20 (зима все же), морской воздух и удивительной красоты пейзаж, достойный всех картин мира.

Как же чужеродно смотрелись мы здесь со своей военной и строгой одеждой, со своей усталостью, вонью и бряцаньем оружия.

Отрезвило присутствие военной техники, истребителей и где-то там за холмами и горами черный дым.

– Становись! Равняйся! Смирно!

К нам вышел наш комбат.

– Очень быстро выгружаем все из самолета, проходим таможенную и выдвигаемся в место дислокации.

Становилось жарковато.

– Оружие и средства связи — отдельно, личный шмурдяк — отдельно!

Чертовы ящики! Теплый климат все же не влияет на гравитацию — они не стали легче.

Цепочка, руки, ящики, рюкзаки. Ящики, ящики, ящики. Рюкзаки, рюкзаки, рюкзаки.

Становилось очень жарко. Мы снимали шапки, хоть это

не положено, расстегивали бушлаты, что также запрещено, но иначе было невыносимо.

Разгрузив борт, как было велено, мы встали у своих рюкзаков. Сейчас мы пойдём на таможеню, которая находилась в здании бывшего главного терминала. Аэропорт был и правда большой, автономный, со многими полосами и большим терминалом. Красиво высаженные кипарисы и пальмы, аккуратные и зеленые газоны, блеск и стекло самого здания, ступени и крыло под мрамор.

Не дожидаясь разрешения, те, кто быстро нашел свой рюкзак и одежду в нем, начали переодеваться.

– Товарищ полковник, переодеться разрешите? – все же кто-то спросил. Комбат лишь махнул рукой в знак согласия. Зашуршали молнии.

– Батальон! Берем рюкзаки, идем в терминал!

Здание терминала изнутри было еще более пафосное, чем снаружи: везде камень, мрамор, все аккуратно и красиво.

Лишь увидев надпись «WC» на двери, мы дружно вспомнили, что хотим в туалет. Выстроилось две очереди – одна на прохождение таможни, вторая в туалет.

– Надеюсь, из вас, мудаков, никто патроны и смартфоны с собой взять в рюкзак не догадался? – строго спросил командир, оглядев нас всех.

Если смартфон просто отберут и впаяют строгач, то за патроны – обратно первым же бортом и под трибунал. Руководили этим процессом специально обученные люди – военная

полиция. Если коротко – это подразделение комендатуры, которое следит за военными, не нарушают ли они порядок и устав; если еще короче – их не любят.

После того, как наши сумки прокатили через просвет, и после прохождения нами личного досмотра мы вышли из здания терминала и начали загружать прибывшие машины ящиками.

Ящики, ящики, ящики. Теперь они уже летали. Если мы их загружаем, то максимально логично можно предположить, что мы же их и будем выгружать. Поэтому мы уже просто механически закинули их, получив приказ ждать наш транспорт. Мы остались у терминала.

Как только я взял в руки кнопочный телефон (они разрешены, запрещались смартфоны, да и кнопочных телефонов было по паре штук на роту), меня неожиданно поприветствовал оператор БиЛайн, пожелав удачного путешествия по Сирийской Арабской Республике. Иронично.

Отправив смс, что я прилетел и все в порядке, я передал телефон товарищам. Так принято.

Курили, общались. Обсуждать что-то происходящее сейчас мы не могли, потому что ни у кого это все не укладывалось в голове; мы просто обсуждали полет, что-то спрашивали у военной полиции в перерывах между тем, как мы смотрели на взлетающие и садящиеся истребители и грузовые самолёты. Именно они отрезвляли нас, заставляя абстрагироваться от невероятной красоты пейзажа. Они взлетали каж-

дые десять минут. Грузовые самолеты, как и нас, видимо, провожали и встречали военные вертолёты. Масштаб всего этого действия впечатлял.

Мелкая и расплывающаяся точка на горизонте, приближающаяся и принимающая все более четкие очертания истребителя, заходит на полосу. После – до нас доносится лишь рев двигателей.

Один истребитель укатывался в ангар; в это время на «взлетке» уже ждал команды на отлёт другой истребитель.

Наспех мы разворачивали сухпайки, у кого что было с собой из еды. Никакой информации о том, куда мы едем и будут ли нас там кормить, не было. Родная тушёнка под солнцем Латакии так же прекрасна, как и в зимнем лесу России – это чуть отвлекло нас от полетов, поездок и мыслей.

За нами приехал транспорт, мы быстро загрузились в военные капсулы. Опять же минимум обзора, постоянная тряска и невозможность оценить масштаб впечатлений, для которых все открыли свои душевные закрома. Ехали недолго, что славно: удовольствие езды на военном транспорте ниже среднего, но, как гласит военная мудрость, лучше плохо ехать, чем хорошо идти.

Как оказалось позже, нас привезли в район рекогносцировки – палаточный лагерь для передержки военных. Одни приезжали для дальнейшего распределения по территории всей страны, другие, наоборот, для последующей отправки домой. Огромные палатки на 40 человек, одна к одной, очень

много места, выделенные курилки, уличные раковины с кра-
нами и даже душевые открытого типа.

Ящики, ящики, ящики.

За нас их никто не разгрузит. Первая половина нашего ба-
тальона, улетевшая раньше нас, свои ящики уже разгрузила.
Раскидав имущество, мы побежали здороваться со своими
товарищами. Мы не виделись сутки, но в эти сутки нас друг
от друга отделяла целая жизнь, море, страна.

Мы начали бегать по палаткам, здороваться, курить, шу-
тить, пока не прозвучала мать команд:

– Батальон, стройся! Форма одежды любая!

Мы выстроились. Вышел командир.

– Командиры подразделений, ко мне!

Пока наши ротные и командиры групп получали инфор-
мацию и целевые указания, мы тихонько общались, чего де-
лать в строю нельзя, шутили и ждали.

Вернулся наш командир. Информация была приятной:

– Так, парни. Сейчас приводим себя в порядок, нам выде-
лили палатку. Обустраиваемся там, потом вечером заполним
анкеты и идем на ужин. Потом я на совещание. Да, форма
одежды исключительно уставная. Тут за это ебут.

Мы уныло посмотрели на свои купленные специально для
пустыни ботинки, кепки и перчатки, которые никак не впи-
сываются в понятие «устав». В понятие «устав» вписывается
только устав. Это аксиома. Это немного озадачило нас: за-
чем в месте, где туалет и душ находятся на улице, соблюдать

уставной порядок людям, которые завтра полетят отсюда к черту на рога? Но вопросы задавать в армии – дело неблагодарное.

Я занял себе койко-место на втором этаже крепких нар, расстелил там и расположил спальник. Следующий шаг – помыться и побриться. Природа даровала густую бороду, за что спасибо сейчас, но тогда приходилось бриться каждый день.

Деревянные полы, железная квадратная раковина-мойка, сверху проходит труба с кранами.

В целом, годится.

– Строиться на ужин!

Идти до столовой нужны было примерно километр, и стало понятно, зачем и почему устав. Мы прошли практически через практически всю базу.

Не впечатлить она не могла: на секунду нам показалось, что мы в самом центре какой-то американской базы из фильмов, потому что привычные палатки в лесу и самодельные постройки из многострадального леса никак не вязались с чистотой, аккуратностью, асфальтом, пальмами и монументальностью военных сооружений. Чистая и современная техника, солдаты, идущие исключительно строем, аккуратные заборы и везде таблички. Невольно вспоминалось, как будучи в лесу на длительных учениях, туалетом нам служила выкопанная яма, где рядом гордо красовалась табличка «туалет 1-й роты, ответственный – прапорщик такой-то», ну и куда (в кучу дерьма) раз в неделю медик кидал ДВЕ таблетки

хлорки и под хохот военных шел дальше.

Тут было все новое, чистое и внушало, что порядок в русской армии очень даже может быть.

После заполнения анкет и уточнения информации мы строим из комнаты досуга, огромной и крепкой прозрачной палатки со множеством аппаратуры и барабанной установкой, отправились в столовую.

Перед нашей отправкой в Сирию бывалые нам говорили: «Парни, что угодно, только не оставайтесь в Хмеймиме. Ни в коем случае. Лучше самая жопа пустыни». Основываясь на первых впечатлениях, мы искренне не понимали, что не так в этой базе. Еда в столовой была отменной, а перед самой столовой играл оркестр. Настоящий военный оркестр. Пока мы строились после ужина (в армии все перемещения в группе только строим), ожидали последних из столовой, нас окружила военная полиция.

– Сержант! – обратился один полицейский к сослуживцу. – Почему у вас неуставные берцы?

– Других нет.

– Как нет? Ваши документы!

– У меня нет документов.

– Как нет? Где командир ваш?

– Еще не вышел, мы его ждем.

Офицеры питались в отдельной столовой напротив.

Другой боец доблестной полиции подошел к соседу по строю справа:

– Товарищ рядовой, почему у вас шевроны цветные?

– Какие есть.

– Ваши документы?

– Отсутствуют.

– Вы задержаны. Выйти из строя.

– Э-э-э, в смысле задержаны, мужики, вы чего? – пошло недовольство в строю.

– Не мужики, а товарищ старший сержант, – сухо ответил полицейский.

– Да это видно, что не мужики, – парировал кто-то из строя.

Вышел наш командир, один из «ВПшников» (ВП – военная полиция) подошел к нему, отдал воинское приветствие, задал вопрос:

– Товарищ капитан, ваши подчиненные не в уставной форме одежды, без документов. Мы обязаны доложить о нарушении.

– Кому? Мы прилетели два часа назад, еще даже вещи не распаковали.

– Вы из 13-го района? – спросил другой полицейский
13-й район – это сленговое название нашей дислокации ввиду расположения на отшибе и скудных жизненных условий.

– Так точно.

– Пройдемте, – отвел в сторону нашего командира старший команды «ВПшников».

Они отошли и о чем-то побеседовали, после чего командир дал команду идти. Нас сопровождала военная полиция до самых палаток, ведущий командир и командир полиции о чем-то беседовали.

Как выяснилось позже, на базе царит полный армейский устав, за малейшее отклонение от нормы – выговор и час строевых занятий на отдельном дисциплинарном плацу. Военная полиция как раз и занимается выявлением и докладом о таких «фатальных» нарушениях, как неуставная форма одежды, неправильные шевроны, нечищенные берцы; даже если не выполнил воинское приветствие – тоже можно загреметь.

Сопроводив нас до палаточного городка, полицейские ушли.

– Пидорасы, – резюмировал кто-то из строя. Командир на секунду остановился и кивнул.

Теперь, чтобы пойти на завтрак, мы разбивались на группы и делились «правильной» формой одежды на случай очередной проверки. Сколько ждать распределения и отправки, неизвестно, известно только, что военная полиция везде и всюду охраняет наш покой от вольности и шалости.

Воздух устава показался нам приторным.

Глава 3

Молча.

Вечером наши командиры ходили на совещания, никаких построений, перед нами же стояли следующие задачи: проверка имущества, распределение его по взводам, чистка оружия, проверка средств связи и наблюдения, ну и, разумеется, соблюдение личной гигиены. Стираться и мыться было более чем удобно, поэтому, закончив наводить марафет после перелета и ужина, мы легли в палатку. Смех, шутки сослуживцев в палатке на пятьдесят человек – из каждого угла доносился свой разговор, в который всегда можно было вклиниться, похохотать или порассуждать о политике, армии или просто о вечном.

Стемнело. Я вышел покурить. Горы и холмы, судя по всему, заселены – они были усеяны огоньками, что придавало темной как смоль ночи живости и красоты. Играли огоньками и бесконечно пролетающие самолеты, иной раз шумя так, что проще было прервать разговор, чем пытаться переорать турбину; очевидно, уснуть будет непросто.

Пришел командир, все моментально замолчали. Он посмотрел на нас в свете тусклых лампочек и усмехнулся:

– Ебать, че за вытрезвитель, на кого вы похожи?

– Ну? Командир, не томи, че говорят?

– Да ничего не говорят, ждем. Пока документы наши ушли в штаб, будет распределение. Завтра подъем в 6 утра, собираемся на завтрак, потом занимаемся имуществом.

Это дало нам новую пищу для обсуждения. Хотя по факту обсуждать было нечего, но желание поделиться догадками и слухами переполняло.

Я лег. Машинально хлопнул по карманам в поисках телефона, которого, конечно же, не обнаружил, и только сейчас осознал, что буду жить без соцсетей, музыки и новостей из привычных мне каналов и источников. Значит, пора спать. Деревянные нары были великолепны, а вместо подушки – небольшой вещевой рюкзак. Заснул я мгновенно, ни один самолет мне не помешал.

По команде командира мы встали и начали готовиться на завтрак.

Наш лагерь – это легкий островок свободы в океане уста-

ва: сюда не заходила военная полиция без особой надобности – команды тут не задерживаются долго, а условия проживания не позволяют держать воинскую дисциплину. Тут царил командирский закон и договорные взаимоотношения – можно было в тельняшке, шортах и сланцах пойти покурить, в этом же работать. Построений, кроме обеденных, почти нет, прямое командование батальона сразу было определено на территорию базы и почти не появлялось.

После ужина, когда пришла вторая часть нашего батальона, ребята живо сообщили, что видели нашего парня с бригады, Серегу (имя изменено), который поехал специалистом один, гораздо раньше нас, и уже через месяц его командировка должна была завершиться. Позже он очень просил командование о продлении командировки, чтобы вернуться вместе с нами. Просьбу его удовлетворили, но он не вернулся.

Погиб.

Найдя наших в столовой, он просил передать, что зайдет к нам к вечеру. Его мы ждали даже, наверное, сильнее, чем командира с совещания. Он знал все.

Пришел командир и повторил вчерашнюю информацию: ждем.

Пришел Серега, и мы забросали его вопросами:

– Ну че тут, как? – вопросы были примерно одни и те же.

– Да тут нормально. Вас, скорее всего, раскидают по всей территории мелкими группами. Так тут везде делают с раз-

ведчиками.

– А где лучше всего?

– Ну везде плюс-минус нормально, главное, не попадать в Дейр-эз-Зор, Идлиб и чуть дальше Дамаска. А так, в целом, жить можно.

– А там что?

– А там только авиация отбомбила, там пидорасов (врагов – прим. автора) – тьма. Наши только зашли, у садыков («садык» – обозначение сирийцев) каждый день потери.

– А Алеппо? А Хомс? А Хама....

– Ну везде свои нюансы.

Потом пошли более приземленные вопросы:

– Тут есть где сигарет купить?

– Да, завтра, если не улечу, свожу вас. Только ходить, пачаны, строим, – сказал Серега и усмехнулся.

– Да мы, блядь, поняли, – загнудела палатка.

– А ты чем тут сам занимаешься? Как тут вообще? – посыпались вопросы, но в этой каше я уже не разобрался. Я лег и моментально забыл названия, куда ехать не стоит. Решать это буду, разумеется, не я, а решается это прямо сейчас в штабах. Я же скучно смотрел в плотный тканевый потолок палатки, изредка отвлекаясь на беседы соседей.

– Я храплю? – неожиданно спросил меня сосед по койке.

– Неа. А я? – не зная, как продолжить этот диалог, спросил я.

– И ты нет.

Молчим.

Заснул.

На следующий вечер командир пришел и сказал:

– Четвертая рота летит в Алеппо, вторая – Хомс, третья остается тут.

– А первая?..

– А первая – на то и первая. Дейр-эз-зор.

Я был в составе первой группы и мне срочно захотелось еще раз увидеть Серегу, выудить все подробности. Может, не все так плохо? А если плохо – то насколько? Но Серега не появился, зато появился пропащий наш комбат, который лихо раздал задачи: проверить и пересортировать оружие, личные вещи, замерить объем и примерный вес.

Радостная новость – сраные ящики средств связи мы оставляем тут. И сразу же мы оставляем вопрос «а нахуя мы их тащили?!» – на этот вопрос прямо тут тебе никто не ответит.

Отсортировав имущество нашей роты и отложив его в сторонку, мы стали ждать следующего дня – дня отправки.

Наконец-то в палатку, уже под самый сон, зашел Серега. На него сразу налетели с вопросами:

– А че там в Дейр-эз-зор? Как там? Стреляют?

– Ну да, это щас передок. Но вроде как пидорасов (врагов) погнали за Евфрат, в самом городе добивают ячейки, активных боёв нет.

– А потерь с бригады, которую мы заменяем – много?

– Этого не знаю. Если ты не там – то тут не скажут, – с видом знающего человека ответил Серега.

– Как же туда ехать, если никто ничего не знает? – спросил мой сосед, отметившись вторым фатальным вопросом.

– МОЛЧА! – убил голос зашедшего в палатку комбата прозвучавший вопрос. Мы замолчали. Комбат продолжил:

– Завтра подъем первой роты в 6 утра. Завтрак, затем убытие на самолете.

Молча я закончил этот день.

На следующий день погода была пасмурная, намеревался дождь. Зима в тех краях очень условная, похожа на наш апрель/май, температура примерно 17-20 градусов, ветрено; если и выпадают осадки, то минимум на день дождя стеной. Разумеется, в проливной дождь полет не состоится, и мы загружали машину так, «на всякий случай». Машину в любом случае надо загрузить, чтобы потом перегрузить в самолет, чтобы потом выгрузить, перезагрузить в машину и уже в завершении разгрузить в месте дислокации.

Ехать было недалеко, полкилометра, в самый край взлетной полосы, самый отшиб. Вероятно, в мирное время тут просто была стоянка самолетов или что-то вроде этого, потому что даже разметки не было и каких-либо сигнальных систем. Судя по наличию самолетов, я было подумал, что это музей. Мятые и побитые жизнью машины сами собой в голове вызвали песню «Смуглянка» и залихватские кадры из «В бой идут одни старики». Но почему-то верилось, что этот

экспонат долетит куда угодно, потому что он – добрый. Добрый самолёт.

Мы стояли, курили. Любопытно было то, что я не знал, куда девать окурки. Выкидывать на землю я не обучен; к тому же, окружавшие пальмы и зелень и маниакальная воинская аккуратность меня стесняли вдвойне. Но урн не было на взлетной полосе, так что прости, Латакия.

Прилетел наш самолет и моментально вызвал изумление. Кратко говоря, это была летающая «ГАЗель» – маленький такой самолетик, который должен был увезти сорок человек и целую машину имущества роты. Назывался он Ан-26, он был по-своему добрый, но все же не такой винтажный. Перед загрузкой построились. Аппарель, лавки по бокам, инструкции пилота.

Загружались очень плотно. До конца не верилось, что все влезет. Загрузились практически под крышу – все в ящиках и рюкзаках и мы сами. Жвачка уже во рту, я готов.

Такой прыти от самолета я не ожидал. Потом мы шутили, что пилот этого самолета очень хотел быть штурманом истребителя, но не взяли, и он выжимал все дерьмо из транспортника. Одно время казалось, что он взлетал как ракета – строго вверх; не было даже мысли жевать жвачку, потому что закладывало уши и от резкого набора высоты, и от рёва двигателей и вибрации. Трясло мощно. На секунду показалось, что мы – массовка в съёмках эпизода скетча «Крутое пике».

Выровнялись, и я наслаждался видом в иллюминаторе. Все

же полет на малой высоте – это прекрасно. С такой высоты вся земля при ее неоднородности принимает четкие границы зелени, застроек, холмов и деревьев. Природные четкие контуры внизу, наравне же с нами – облака, белые и плотные, в убаюкивающей синеве небесного покрывала.

Приземлялись так же резво, как и взлетали, но по спиралевидной траектории, чтобы в случае атаки труднее было сбить. «Простите, а нас что, могут сбить?!» – возник у меня немой вопрос к экипажу, командиру и чертовому ящику с оружием, который при каждом крене самолета выезжал из общей массы и опасно приближался к моей голове. При обратном крене, вероятно, он так же пугал соседа напротив. Но обсуждать это с кем-то было невозможно из-за шума, летели молча.

Резкое снижение заставило отвлечься от иллюминаторов и направить взгляд в пол. Жвачка не помогала – уши заложило плотно, жевать ее получалось не часто, но очень сильно, до сведения челюстей.

Аппарель открылась. Мы начали очень быстро разгружать имущество, так как подобный транспортный самолет локального значения и правда служил тут маршрутным такси. Одних привез – других сразу увёз.

Нас ждала большая часть роты, которую мы меняем. Пока они грузились, удалось перебраться парой фраз с сержантом:

– Парни, вы откуда?

– С Центра России! А вы?

– Сибирь!

– Че тут и как вообще?

– Ну вот смотрите, там, – махнул он рукой, – за горой – пидорасы! Там, – указал левее, – тоже пидорасы, там, – махнул направо, – город, стоят садыковские опорники, но если че – они сразу убегают, воевать не хотят.

– А пидорасы далеко?

– Ну, за Евфратом в основном, – сержант повторно махнул влево.

– А, ну понятно, – хотя, что понятно? Где тут Евфрат? Как далеко он отсюда?

Сержант крикнул, забегая в самолет:

– Только по тропинкам ходите, а то все заминировано, а в здании терминала наши десантники находятся, но они ненадолго! Ну, бывайте, удачи!

– И тебе! Счастливо добраться!

Информации, конечно, вагон. Пока мы ждали машину, что приедет за нами, было время осмотреться наконец-то.

Убожество. Терминал аэропорта разбит, ни одного целого стекла, некоторые стены обрушены, металлоконструкции помяты. Здание обнесено забором, который перекосялся и зияет дырами. По краям аэропорта кладбище сожженной и разбитой авиатехники: вертолеты без лопастей, сгоревшие МИГи. Дальше, за пределами взлетной полосы – пустырь, на котором кладбище колесной техники: сгоревшие и искоре-

женные «Уралы» и «КАМАЗы», рваными лоскутами тентов машущие нам из загробного мира.

Огромный и протяженный холм, за которым Евфрат и враги. По другую сторону – жидкие одноэтажные постройки, какие-то убогие колючки и растения, песок. Среди всего этого валяются запчасти, разорванные колеса, обугленные части техники, воронки от снарядов.

Располагаться нам предстояло в бывшей технической зоне аэропорта рядом с гаражами и ангарами, но сначала туда следует доехать и дойти только по дорогам и тропам, потому что остальное заминировано.

Глядя на все это после лоска Хмеймима, закралась невольная мысль, что у меня ничтожно маленький автомат, ничтожно мало патронов, а гранаты – это детские петарды.

Вторая мысль: если меня тут убьют, то это не будет похоже на сцену из боевика, не будет героической музыки и кадров замедленной съемки, не будет повторов, спецэффектов и планов.

Я просто рухну и буду медленно тлеть, как сгоревший грузовик, приветствующий меня рваным тентом, развевающимся ветром пустыни. Никаких красивых фраз. Погибну я тут молча.

Прилегающие к аэропорту города Дейр-эз-Зор местности,

технические зоны, ставшие «кладбищем» техник

Глава 4

Декаданс.

Аэропорт, в который мы прибыли, находился в паре кило-

метров от города Дейр-эз-Зор. Это был город, расположенный на отчаянных и последних участках зелени, граничащих и борющихся с пустыней. А там, где пустыня берет вверх в безмолвной схватке, пустошь и граница с Ираком. Жизни этому месту придает только Евфрат – древняя река, родоначальница жизни, артерия истории человечества.

За Евфратом уже находилась граница с курдами – многострадальным народом, проживающим на территории сразу трёх стран. Фактически это территория Сирии, но без лишней надобности туда ездить считалось не дипломатично.

Загрузив имущество в машину, мы двинулись к месту дислокации вглубь аэропорта. Предполагалось, что жить мы будем в небольших жилых модулях, где быт уже был налажен парнями из Новосибирска, которых мы меняем. На несколько человек по комнате с кроватями, в отдельной технической комнате – печка, место для сменной обуви. Раковина, душ и туалет – на улице. Днем тепло. Условия, прямо скажем, неплохие. Личную гигиену соблюдать можно вполне – это уже замечательно.

Застав несколько отдыхающих бойцов, мы поздоровались с ними и начали осматриваться, ожидая команды от командира. Командир сказал следующее: «Парни, пока перекусите сухпайками. Я пойду до местного начальства, все выясню». Такие команды нам всегда по душе. Тревожить расспросами парней, что мы меняем, не охота – они отдыхали с дежурства. Во время постоянного пребывания в одном месте лич-

ный состав охраняет сам себя, так называемый наряд. Каравлы выставляются по всей территории и формируются две смены – отдыхающая и в наряде. Если получается так, что поступает задача – значит, караул практически не меняется и несет службу постоянно.

Нам предстояло назначить первый наряд и поставить его сразу, принимая посты и рекомендации от уезжавших парней. Вернулся командир:

– Вещи пока что в одно место, ночуем сегодня все вместе тут. Достаньте теплые вещи – ночи очень холодные.

– Командир, есть будете? Мы вам погрели.

– Да, спасибо, парни.

Пока командир ел, мы продолжали осматриваться под комментарии вошедшего «местного» сибиряка, который давал нам наставления:

– В общем, город там, через шоссе. Три поста обороны, последний – мы, если что, пацаны-десантники помогут, – махнул он в сторону терминала, продолжил:

– С ними связь по рации, лишний раз туда не ходите. Там и так все заминировано, так еще и они растяжек наставили.

На секунду он отвлекся на наш выгруженный багаж:

– Хуя у вас ящиков! – и, затянувшись, продолжил:

– На садыков надежды нет, если что – побегут, как пить дать. А там, – махнул рукой в другую сторону, – садыковский магазин. Сигареты, сладости, консервы. Сигареты, правда, говно, садык жадный, цены гнёт.

«Садык» – это обозначение сирийца. По-арабски «сандр» – это друг, товарищ. Но арабский язык – очень быстрый, и название «садык» логично и подходит. Садык и есть садык.

– А много тут садыков? – начали оценивать обстановку мы.

– Да не понять. Их проще по постам считать, они постоянно меняются и одеты как бомжи. Ну так-то город большой, тут целый гарнизон. Но все это бесполезно. Рассчитывать придется только на себя. У садыков бабки не меняйте, с курсом врут.

– Ну че, тут как вообще, спокойно? – наконец перешли мы к сути.

– Да более-менее сейчас да. На опорниках постреливают шальные, сюда не суются – тут наших много. Там, – махнул в сторону, – артиллерия стоит, тоже почти наши. На колонны могут напасть, пострелять. А так...

– У вас потери были?

– Были, – сибиряк замолчал. Мы тоже. Через паузу он продолжил:

– Да, кстати, тут в соседнем модуле генерал живет садыковский. Он по-русски немного понимает, так что вы его нахуй не шлите – он может обидеться.

Я задумался: а как выглядит генерал, который обиделся на солдата? И вообще, зачем и как можно послать нахуй генерала, пусть даже чужого? Это ж вопиющий случай, если

разобраться. Но на эти вопросы я ответил себе сам, вспоминая один из инструктажей в нашей части, где нам специалисты рассказывали о грядущей миссии. Подбирая слова помягче, нам сообщили следующее: сирийская регулярная армия за долгие годы войны состояла уже из ополченцев, которые ни выучкой, ни мотивацией, ни дисциплиной не отличались. Боеспособные подразделения были выкошены в первые годы, сейчас остается то, что остается: офицерский состав не обучен, солдаты в основной массе воевать уже не хотят и не могут – тотальная демотивация и усталость от разрухи.

– Так, – командир окончил трапезу.

Мы замолчали, ожидая указаний. Можно было тысячу раз спрашивать одно и то же, но информация бывает и лишней в том плане, что за неимением опыта начинаешь додумывать сказанное, а не то, что видел сам. А это самая большая ошибка в армии для солдат – за исключением трех вопросов «зачем?», «почему?» и «а че сразу я?». Нам повезло, и наш командир был опытен и всегда знал, что делать:

– Значит, сегодня ночуем тут, завтра прилетит остальная часть роты. Кто останется тут на постоянном месте дислокации, решим завтра. Сегодня надо принять посты и технику. Сейчас со мной выдвигаются техник, водитель и Иванченко со своим отделением.

– Есть, – ответили названные.

– Тут остается лейтенант Лысенко. Принимаем наряд и

быт у парней, надо узнать маршруты и выставить наряд на ночь, – продолжил командир.

Так и прошла вторая половина дня. Психика работает так, что твой мозг моментально оценил и принял апокалиптический пейзаж, что ты будешь находиться тут. Твой мозг моментально принял, что надеяться придется только на себя и что еще пару дней назад твои ноги мокли и мерзли в центре России, с утра ты ел прекрасную еду и мягкий хлеб в окружении гор и морского воздуха ласковой Латакии, а сейчас – развороченная техника, обугленная какая-то непонятная полупальма и обидчивый сирийский генерал. Времени на то, чтобы прочувствовать всю атмосферу и впитать ее в себя, спросить своё эхо глубины сознания – «ну как тебе это?» –

на это времени просто нет. Возвращались сибиряки, в прекрасном настроении. Завтра они улетают домой, сегодня они расслаблены и могут провести остаток дня свободно. Посты мы приняли, мне выпал патруль внутренней территории с 11 ночи, на четыре часа. Весь лагерь был оповещен о пароле – кодовое число, которое спрашивают, если видят перемещение. При любом замешательстве лучше задержать, опросить, в худшем случае – открыть огонь.

Въезд в аэропорт города Дейр-эз-Зор

Ну, здравствуй, сирийская ночь.

Территория тыла не обследованная, но патрули уже поменялись, радиостанции были при мне, и каждый меняющийся патруль докладывал о передвижении, ошибок быть не может. Лишние не прошли. Я стоял и наблюдал, вертел головой по сторонам, максимально настроив свои сенсорные системы к восприятию.

Из нашей бытовки вышел командир и назвал меня по фамилии.

– Я! – откликнулся по-военному.

– Все нормально?

– Так точно.

– Сейчас придет смена с дальнего КПП, там будет офицер сибиряков. Как придет, проводи его ко мне.

– Есть.

Дверь захлопнулась. Когда есть конкретная задача – так проще.

Восточное небо просто усеяно звездами, я такого не видел. Ночь, тем более в отсутствие центрального освещения, казалась просто невыносимо тёмной, что, наверное, и обуславливало яркость и количество звезд на небе. Ночь тёмная, ночь тихая. Это и хорошо, и плохо. Слышно каждый шорох, но на каждый шорох и реагируешь. Незнакомые колочки незнакомо цепляются друг за друга, знакомый ветер незнакомо гоняет знакомый мусор.

По распоряжению из центра после 17:00 по Москве (а мы жили по московскому времени), была команда «Стоп колёса». Военная техника не ездила, только по спецразрешению и оповещению всех окружающих контрольных точек, иначе можно нарваться на дружественный огонь. Местные жители тоже побаивались ночи, поэтому очень и очень мало машин ездило по дорогам, да и некуда было ездить – все вокруг уничтожено. Поэтому – тишина.

Шаги и тихий разговор на русском вблизи – идет командир сменяемой команды. Ответили мне пароль, я проводил их до командира, сам же продолжил нести службу.

Чертовски умно я купил утепленный маскировочный халат. Становилось все холоднее, особенно ветер – он пронизывал до костей. Хожу по маршруту активнее, курю, двигаюсь.

Открылась дверь, вышла очередная смена на КПП, куда

еще днем вышли наш техник и сержант со своим отделением. Смена вышла, мы перекинулись парой фраз, интересно все же было, о чем разговаривают два командира:

– Ну что там?

– Разговаривают.

Спасибо, парни, за конкретику. Ушли. Через некоторое время зашипела рация:

– «Калитка» (*наряд КПП*) – «Алмазу» (*позывной командира*).

– Я – «Алмаз».

– Наряд пришел, разрешите поменяться.

– Разрешаю.

У всех была настроена общая частота, все переговоры слышали.

Хожу активно, греюсь. Холодно, но уже моя смена подходит к концу. Потихоньку мой слух научился отличать природные шумы, стало спокойнее. Шаги, пароль – наши. Техник Саня, он же товарищ прапорщик, он же товарищ прапорщик Саня, стрельнул у меня сигарету, стоим, курим. Вот-вот должны сменить меня. Затянувшись, Саня сказал:

– Технике пиздец. Один БМП, два БТРа, один вроде на ходу, но масло течет. БМП вообще наглухо встал, они его используют как опорник – пушка рабочая, повернута в сторону дороги, в случае боя пригодится, но даже заводить смысла нет.

– И че делать?

– Да не знаю. Чинить нечем, если только его в Химки (*Хмеймим*) везти. Вообще еще вопрос, надо ли.

– А БТР?

– Один на ходу, ко второму вроде запчасти есть. У них техник отморозок, пошел за запчастями в поле (где стояли раскуроченные автомобили), прям по минам пошел. Знал бы, что заминировано – взорвался бы.

– А на чем мы ездить будем? – стало интересно мне. До этого по Сирии я передвигался только пешком и на бешеной летающей ГАЗели.

– А куда ты ездить собрался?

– Ну не тут же нам сидеть постоянно.

Сашка пожал плечами.

– Или сидеть? – может, Сашка что-то слышал из беседы с командирами.

Сашка повторно пожал плечами. Зашипела рация:

– Березка, прием!

Березка – это циркуляр. Это позывной для всех, когда общая информация всему подразделению.

– Березка, прием! Значит, информация следующая: желтая осветительная ракета – это освещение, зеленая – требуется проверка связи, красная – тревога. Как поняли?

На каждом посту были такие сигнальницы. Если коротко – это вид пиротехники, похожий на салют: дергаешь за ниточку и очень высоко вылетала осветительная ракета, которая светит ярко и продолжительное время. Разные цвета, как

было сказано, означают разные ситуации.

– Как поняли? – повторил командир.

– Принял.

– Принял.

– Принял, – пошли ответы от всех постов.

– Принял, – ответил и я.

Как только я ответил, где-то в километре от нас, уже за пределами аэропорта, вверх взмыли три красные сигнальные ракеты, чуть позже послышалась стрельба очередями.

– За-е-бись, – резюмировал прапорщик.

Мигом зашипела рация:

– «Алмаз», я «Калитка»! Три красные ракеты, направление – город, расстояние километр! Как понял?

– Понял, наблюдайте! – ответил командир.

Мы замолчали с Сашкой.

Еще одна автоматная очередь там, вдали.

– «Алмаз», я «Калитка»! Вижу движение! – крикнул в рацию командир отделения, его я узнал по голосу, – разрешите открыть огонь!

Тишина. Мы с Сашкой напряглись, я был готов уже бежать туда. Адреналин на секунду мне настолько поднял зрение, что, казалось, в полной темноте я видел всё.

Распахнулась дверь, выскочил командир новосибирцев и побежал в соседний жилой модуль.

– Отставить огонь! «Калитка»! Я «Алмаз»! Отставить огонь, как понял? Это садыки бегут!

– Понял, – зашипела в ответ рация.

Я стою и понимаю, что истлевший окурок мне уже настойчиво жжет пальцы, адреналин внутри меня отступает, но наступает самая неприятная часть всего этого – теперь я ничего не понимаю. Если до этого я был уверен, что нас идут убивать, и пора бежать и отстреливаться, то сейчас я не понял ничего.

Я слышал повышенный тон офицера, который на смеси матерного, русского и английского беседовал с сирийским генералом.

– Иди разбирайся!! Гоу ту зе пост! Ёр солджерс мувед эвэй фром позицион, блядь! – кричал наш офицер.

– Но, но, но! Но тамам! – отвечал генерал

– Ви ар старт шутинг иф ю донт телл им гоу бэк!

– Ес, тамам! – ответил генерал. Он выскочил из хижины, завел припаркованный мопед, и в компании какого-то еще сирийца, который, видимо, сидел с ним в хижине, они двинулись туда.

– Мудак ебанный, – добавил в след ему офицер и взялся за рацию:

– «Калитка», я – «Бритва». К садыкам их генерал едет, выпустите его, садыков не запускать, держите на прицеле, но не стрелять! Как понял?

– Понял.

Тишина.

Наконец-то стало всё понятно. Дальний пост садыков об-

стреляла проезжающая мимо машина, они запустили сигнальные ракеты и побежали в нашу сторону со страху в поисках укрытия. Да и, собственно, бежать больше некуда. Однако, увидев, что в них целятся еще и со своей стороны, они окончательно растерялись и просто стали стоять и вопить.

Офицер сменяемой команды сразу понял, в чем дело, и взял командование данной ситуацией на себя. Он знал, что это бегут садыки, испугавшись обстрела. Они бежали, бросив оружие, просто в нашу сторону – видимо, он хорошо изучил менталитет и порядок местных военных.

Адреналин отступил, наступило полное опустошение. Я понял, что только что в километре от меня произошел эпизод войны, который я наблюдал онлайн. Наблюдал, но все прошло мимо меня, будто я невидимка, призрак, меня тут нет и не должно было быть. Хотя я поймал себя на мысли, что я внутренне был готов бежать на помощь нашим и отстреливаться, когда услышал «вижу движение». Можно успокоиться и покурить.

Мы с Сашкой закурили и молча посмотрели друг на друга. Говорить ничего не надо было, в таких моментах открываются экстрасенсорные возможности чтения мыслей. Защищала рация:

- «Алмаз», я «Калитка», прием.
- Прием, – отозвался командир.
- Генерал садыковский и пять садыков хотят пройти в лагерь. Пускать?

Через несколько минут поступил ответ:

– Пускайте.

Это означало, что дальний опорный пункт остался вообще без какой-либо, пусть даже самой хреновой, но все же охраны, пришла мне мысль в голову. Следующая мысль была еще грубее: когда по ним стреляют, хотя бы становится понятно, что враг близко.

Сашка пошел спать, я попросил его поторопить мне смену, если таковая вообще планируется в нынешней обстановке. Чертова тихая и темная арабская ночь, где слышны выстрелы за километр и красные сигнальные ракеты видны за два.

Вышел Серега, мой сменщик. Мы обменялись мнениями: он сказал, что наш командир и командир сменной группы с самого начала действовали сообща, и офицер сибиряков сразу понял, в чем дело, по сути, он спас обреченных сирийцев. Если бы не он – наши парни бы открыли огонь. Сирийцы обычно ходят просто в камуфляжной форме, без шевронов и каких-либо отличительных знаков. К этому тоже приходилось привыкать.

Я лег на койку, сняв только бушлат и берцы. В комнате в целом было натоплено, но раздеваться как-то не хотелось – наверное, не отпускала недавняя ситуация, я еще был в ней.

Закрыв глаза, я заснул моментально, даже без намёка на какие-то нервяки. Моя нервная система моментально переключилась на режим «отдых», я закрыл глаза, и сразу наступил

пил следующий день.

Терминал Аэропорта Дейр-эз-Зор

Фото взято из открытых источников интернета

Глава 5

Роскошь и песок

Следующий день даровал солнечную погоду и уже привычный ветер. Должна прибыть отставшая часть нашей команды, увезти парней обратно в Новосибирск, также долж-

но произойти дальнейшее распределение нас по территории провинции. Днем патруль внутри территории выставлять не надо, поэтому свободные люди занялись налаживанием быта: нужно было доработать душ и построить новый туалет, назначенные люди пошли в будущую столовую – одно из зданий аэропорта, где назначенный повар должен войти в курс дела и уже приготовить обед. Сухпайки, все же, это стратегический запас. Да и надоедают быстро.

Из домика генерала вышли покурить те самые садыки, которые прибежали ночью. Не без любопытства я на них смотрел. Говорливые и подвижные, одеты, и правда, кто во что. Общего у них только китель и штаны; двое в сланцах, кто-то в берцах, остальные в кроссовках. Головной убор был у генерала и у одного из солдат. Ни погон, ни шевронов, никаких отличительных знаков. Они так же занимались какими-то делами, постоянно звонили, махали нам рукой в знак приветствия.

– Ну все, рабочий день у них окончен, – усмехнулся один из сибирских.

– Почему?

– Матэ пить садятся. Значит, часа три так просидят, а то и весь день.

И правда, откуда ни возьмись появился маленький столик, чайничек, и садыки уселись вокруг него. Такое чувство, что вчерашней ситуации просто не было. Генерал пытался держаться особняком и с важным видом ходил вокруг своей хи-

жины, поглядывая в нашу сторону и в сторону аэропорта. Периодически он звонил и подходил к нашему командиру.

Донесся звук самолета – летят наши. Осмотрев небо, я нашёл глазами силуэт, который уже нарезал круги, готовясь к посадке. На посадку он заходил примерно также, как сокол, завидя добычу – резко головой вниз, выравниваясь только перед землей. Мы сразу начали посмеиваться, что там сейчас винегрет, ибо сами были в такой же ситуации.

Пока происходили встреча и разгрузка самолета, я решил последовать примеру товарищей и помыться. Холодная вода из крана, сланцы, шампунь, обрезанная полторашка – чтобы обливаться, ну и, чтобы высохнуть, – полотенце и ветер. Условия более чем замечательные для зоны вооруженного конфликта, да и кофе с утра не дают, а холодная вода бодрит не хуже.

Намылившись, я услышал, что зашипела рация и командир называл позывной «Березка». Значит, информация для всех. Стоя голый и в сланцах на скользких досках, намылившись, я заглушил воду, чтобы послушать, что говорит командир. Моя рация была в одежде, которую я снял. «А плевать, – подумал я, – все равно голый и в сланцах». Но домыться надо было в темпе, вдруг война – а я немый.

Командир передал, что через час придет машина забирать нас на распределение по точкам, плюс со стороны аэропорта взлетит наш беспилотник – по нему не стрелять.

Можно было не торопиться.

Привезли наших парней с самолета, мы тепло поздоровались, хотя виделись еще вчера, но эти сутки произошло уже так много событий, что мы успели друг по другу соскучиться, судя по всему.

Наперебой с разных сторон мы рассказывали прилетевшим ночной случай, а прилетевшие нам – впечатления о полете. В лагере сразу началось движение – сибиряки собирались на вылет домой, паковали вещи, а прибывшие распаковывались.

– Парни, продайте зимнюю шапку! Пять баксов дам! – носилось со стороны уезжавших.

– Парни, есть у кого бушлат запасной? На симку поменьше! – аукцион становился заманчивым.

Проблема в том, что сибиряки приехали сюда летом, улетали в летней форме одежды, а вот возвращаться им придется зимой. Некоторые этот момент не продумали, но они и не предполагали, что зависнут на полгода в пустыне, потому что обычная командировка рассчитывается на три месяца. Пошел натуральный обмен. Мы меняли бушлаты на местные сим-карты, на портативные радиостанции, кто-то просто продавал. Нам улетать точно в лето, а по прилёту уж как-нибудь разберемся.

Командир возвращался с совещания, наконец-то родная сердцу команда:

– Строимся. Форма одежды свободная.

На построение ушло две минуты, потому что любая ин-

формация облегчала наше пребывание тут. Командир начал:

– Значит, сперва я зачитываю список фамилий, которые остаются со мной тут.

Моей фамилии не оказалось в списке. Значит, не остаюсь.

– Далее команда старшего лейтенанта Семёнова. Они уезжают на территорию Дейр-эз-Зора.

Среди прочих моя фамилия. Дейр-эз-Зор.

– Следующие из списка отправляются с лейтенантом Лысенко за Евфрат.

По остаточному принципу. Командир продолжил:

– Сейчас должны приехать две машины за командами. Парни, пакуйтесь побыстрее, надо менять ребят, самолет ждет. В дальнейшем мы будем разбросаны по провинции на 3-5 километра. Командиры и заместители – следить за средствами связи. Мы всегда должны быть на связи. Вы все будете переданы местному командованию, какие конкретно выполнять задачи будете – я сказать не могу. Скорее всего, всё подряд. Мы ж спецназ, – улыбнулся командир, – а местные считают, что если мы разведка, то должны уметь консервным ножиком взорвать танк. Сулейманов, ты это умеешь? – со смехом обратился к одному из солдат командир.

– Так точно! – под добрый смех отрапортовал Сулейманов.

– Ну, значит, не врут, – резюмировал командир. И, вернувшись в серьёзное русло, продолжил:

– Никаких тельняшек и опознавательных знаков. Никаких

российских шевронов и триколоров. Слушать командование и не выёбываться перед руководством. Самое главное – держать оружие в чистоте. Вопросы есть?

– Никак нет! – хором ответили мы. Не выёбываться и держать оружие в чистоте. Какие еще тут могут быть вопросы?

Подъехал первый Урал, привез сменную команду, и мы начали загружаться. Ящики с оружием, имущество, мы, ящики.

Загрузившись, мы махнули рукой парням и поехали. Последний пост, где стояла наша смена, махнуть надо и им.

Дальше – прямая дорога, открытый «Урал», мы и выезд в город.

От выезда из аэропорта до въезда в город было где-то два-три километра дороги по пригороду. Город встречал нас послевоенным безумием. И без того простенькие дома садыков после войны смотрели еще более мрачно. Сирийцы строят дома быстро из доступных и малозатратных материалов – серых шлакоблоков. В условиях теплого климата это практично, но нас всегда удивляло, почему они живут в недостроенных домах: у большинства домов на крышах торчит арматура и стоят какие-то стройматериалы. Нам потом объяснили, что простолюдины таким образом увиливают от налогов: фактически дом достроен и в нем живут, но на бумаге – нет, стройка продолжается, так что платить налоги не нужно. Торчащие арматуры были дополнением к всеобщей разрухе. Подобные дома не отличались прочностью и разваливались

сразу, как карточный домик.

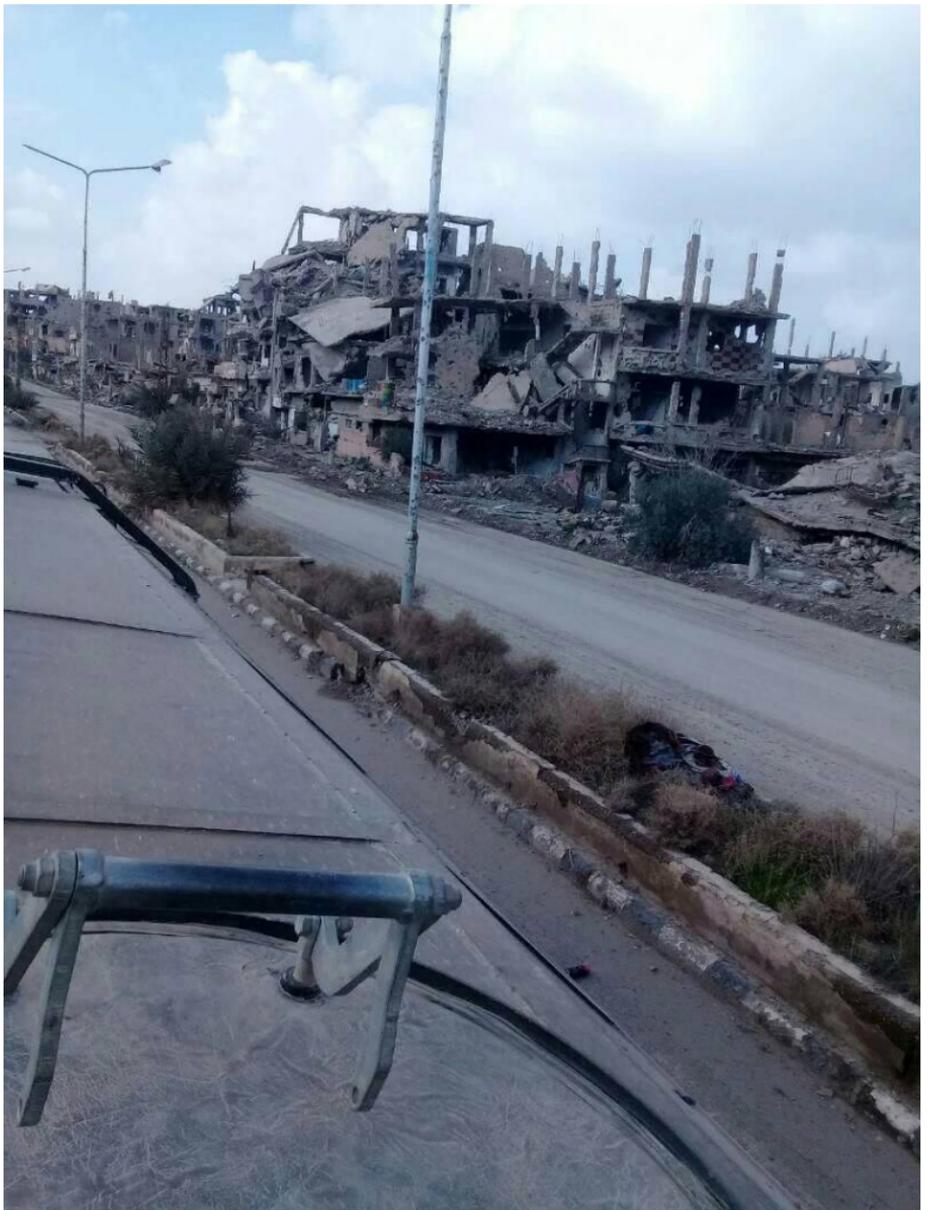
Город был разворочен.

Целые кварталы из скелетов построек, серых бетонных трупов. Наш грузовик то и дело маневрировал между сгоревшей техникой, брошенной на дороге. Вот танк без башни, вот сгоревший БТР. Два перевернутых поперек дороги автобуса, скорее всего, служили заграждением при пешем наступлении одной из сторон. Искореженные и сгоревшие легковушки просто кидали друг на дружку и ставили как заграждение на опорниках.

Дорога была широкой, по две полосы в каждую сторону; разделительной полосой часто служила высадка из пальм и пихт, сейчас же это сгоревшие поленья и стволы. В разбитых кварталах то и дело что-то догорало, везде был чёрный дым. Часто там шарились местные, бывшие жители домов или мародеры – искали чем поживиться либо оплавливали бытовые провода на медь. Нередко они натывались на мины, растяжки и на прочие «подарки», нарываясь на смертельное эхо войны. Такие взрывы, к слову, заставляли нас вскакивать и моментально оценивать обстановку первое время. Потом стало ясно, что такие взрывы в «серой зоне» – это самоубийство очередного мародера.

Не жаль.

«Серая зона» – потому что это были гектары разрушенных построек серого цвета, в которые лучше не заходить. Да, собственно говоря, и незачем.

*«Серая зона» – разбитые улицы и кварталы
Фото взято из открытых источников интернета*

Въезд в город начинался с кругового кольца. Развернувшись на нем, я заметил одну интересную деталь – само полотно дороги было в восхитительном состоянии. То, что в России творится весной после схода снега, по логике, должно происходить тут, где девять лет идет война. Дейр-эз-Зор

одно время был лакомым куском для ИГИЛа (запрещенная в России террористическая организация) – захватив власть, они продержались три года. Можно, конечно, подумать, что они сразу взялись за строительство дорог, тендеры и подряды, но слабо верится. Скорее всего, дороги тут делают на совесть и навсегда. Что впоследствии нами подтвердилось.

Чем ближе мы подъезжали к городу, тем больше мы встречали людей – местных жителей, больше разрухи, и все крепче наши руки сжимали автоматы. Начиналось движение на автомобилях, город пытался поддерживать хоть какое-то свое существование.

Любимое занятие арабов – это торговля. В условиях разрухи торговцы приспособились первые: хозяйственные палатки, прилавки из досок, подранный садик и обязательно группа людей рядом с ним.

Ассортимент практически везде идентичен – сигареты, консервы, сладости, иногда мыло и станки.

Реакция на наш грузовик была непонятна нам первое время. Люди на нас смотрели, дети бежали и что-то кричали. Без внимания наше движение не осталось точно. Становилось ясно, что мы тут – величина особенная, но разгадать, что конкретно имелось в виду, было сложно.

Каждые 200-300 метров стояли посты сирийцев: этикие импровизированные шлагбаумы, рядом – будка с не более чем десятью бойцами. Российские военные машины они пропускали без всяких вопросов. Как минимум потому, что

переводчика с нами нет, а английский знают не все. Когда мы свернули на главное шоссе, которое пронизывает весь город, стал виден весь размах войны и бывшее величие и богатство города.

Но вместе с тем плотнее становилась жизнь постапокалипсиса: все больше машин, людей; сирийские дети, пинающие мяч или прыгающие по сгоревшей технике, старики, наблюдающие за этим; где-то даже тяговые машины начинали очищать дороги от сгоревшей техники.

Взгляды местных на нас. Лишь потом до нас дошло, что каждое перемещение техники с солдатами могло восприниматься ими как очередной виток каких-то боевых действий. Местные не знали, куда и зачем мы едем (впрочем, мы тоже), но каждая колонна военной техники и личного состава вызывала у людей опасения – не начинается ли заново?..

Наконец, проехав практически весь город, мы остановились у роскошного здания.

Этот особняк выделялся на фоне всего того, что мы видели: трехэтажный каменный дом с высоким забором, воротами, балконами и выездом.

Мы начали переглядываться – не здесь ли кто-то из нас останется?

Здесь.

У ворот было сформировано два блокпоста, из ящиков и мешков с песком – бойница, простенькая крыша из железного листа для заборов. Въезд охраняли бойцы, которых долж-

ны увезти.

Открылись ворота, мы въехали. Наш командир, старлей Семенов, с которым нам теперь служить, сказал спешиваться и сразу разгружать имущество на землю, чтобы не задерживать машину.

Цепочка, ящики, рюкзаки.

Располагаться нам предстояло в этом доме. Как оказалось позже, это здание бывшего госнарконтроля, а если по-сирийски, то «Мухабаррад». Но если точнее, то Мухабаррад – это название внутренних структур, что-то типа нашего ФСБ, только чуть шире – это личная гвардия президента Асада с расширенными полномочиями. Условия, в которых мы будем находиться, и впрямь шикарные – дом со всеми функционирующими удобствами: электричество, вода, сантехника. Также, помимо нас, тут находилось командование, свой автопарк с техникой, специалисты различных направлений. Мы, как спецназ, передаемся под местное командование, на нас в первую очередь ложилась ответственность за охранение самих себя, а также выполнение задач по мере поступления от местного командования.

Мы быстро скинули имущество и махнули уезжающим по другим направлениям парням – бывайте, братцы. Еще увидимся.

– Так, я на совещание и доклад к командованию, – сказал командир, и, взяв с собой планшет с документами, поднялся. В то же время к нам спустился местный уже майор с во-

просом:

– Разведчики?

– Так точно.

– Старший кто?

– Я, – развернулся командир к нему.

Они уединились, о чем-то поговорили, майор ему махнул руками пару раз, командир махнул руками на нас, наш командир ушел, майор подошел к нам:

– Так, братва. Сейчас я покажу вам, где вы будете размещаться и куда тащить оружие. После этого вам надо будет принять посты у сибиряков, чтобы они могли спокойно уехать. Кто «замок»? (*«замок» – от сокращения заместителя командира взвода – замкомвзвод*)

– Я! – отозвался сержант Айвазян.

– Пошли.

Они отошли, мы начали осматривать дом и окрестности.

– Парни, походу нам выпал джек-пот! – произнес кто-то.

– По сравнению с аэропортом мы просто в отеле.

– Да вы пока погодите радоваться... Мало ли, еще будем скучать.

Мнения были разные, но все же увиденное нами вселяло оптимизм. Внутри территории здания стояли мощные генераторы, также техническая часть – кто-то возился с родным нам УАЗиком, были слышны звуки болгарки.

Позади дома располагалась часть хозяйственного блока, судя по запаху – там кухня и столовая.

Роскошно.

Вернулся наш замок, махнул рукой. Мы зашли внутрь здания, нам быстро показали, куда складывать оружие.

Ящики, ящики, ящики.

– Вот в эту комнату быстро скидываем личняк и, как перенесем оружие, – строимся.

Пока несли, было время осмотреть дом изнутри. Большое пространство, по бокам – балконы, и множество дверей – бывшие кабинеты. Внутри все из каменных плит под мрамор, все серое и красивое. Комната, в которой мы будем жить, большая, светлая, по бокам – двухъярусные кровати, несколько тумбочек. Более чем прекрасно. Закинув вещи, построились. Вышел командир:

– Айвазян, назначай шесть человек сразу в наряд. Пусть идут и перенимают посты у ребят. Парни, запоминайте сразу все, спрашивайте больше, чтоб не тупить. Три человека на КПП, два снайпера на крышу, два человека по территории.

– Ребров со своим отделением.

– Есть, – ответил Ребров и маякнул своим.

– Парни, оружие на руках, боеприпасы там есть. Общая информация: радиостанции настраиваем на две частоты – общая по штабу, оперативная, ну и наша группная, внутренняя. Блядь, только не путайте. Ребров, выдвигайтесь.

– Есть.

Ребров в компании «замка» ушли, командир продолжил:

– Сейчас даю пять минут на туалет и кому надо переодеть-

ся, пойдём принимать территорию. Автоматы пока складывать нам некуда, на себе. Броню пока скиньте в свои рюкзаки.

Сделано.

Командир и заместитель пошли по территории, осматривая бойницы. В случае нападения на каждой свободной площади находилось место для ведения огня. Чаще это ящики с песком, прямо на мраморном балконе, где у каждого бойца был свой сектор обстрела. На крыше находились снайпера, а также расчет АГС (гранатомет) и ПТУР (противотанковая управляемая ракета).

То есть укреплены мы были хорошо, чего не скажешь о предыдущей команде. Столько вооружения у них не было. Более того, в данном здании они находились не так давно, они уже заканчивали тут свою командировку и позволили себе схалтурить: многие ящики были пустые. Это сразу смерть. Простучав ящики и осмотрев бойницы, командир нахмурился:

– Надо заполнить. Без вариантов.

Пример бойницы в здании,

вместо мешков могут использоваться ящики из-под снарядов.

Фото взято из открытых источников интернета

Началось самое главное действие в армии, причем не особо важно, где ты находишься – в Сирии, Тамбове, ЦАР или Москве, основная задача перед выполнением других задач – это поиск лопаты.

Обычно это происходит так – надо найти того, кто может сказать, где можно спросить о верном направлении к лопате. Однако увиденная ранее техническая зона упростила нам поиск, да и цель все же была важная для всех – общая безопасность.

Началась работа.

Ящики разбирались, выносились на руках за территорию, наполнялись песком, благо в пустыне его искать не приходится, затем на руках это все несется обратно. Ни у кого не возникало никаких противоречий или возражений – надо. Отделение сержанта Реброва уже заступило в наряд и с позиций смотрело на наши труды.

Ящики, ящики, ящики.

Песок, песок, песок.

На балкон вышел командующий всей нашей группировкой, генерал, которого мы прозвали «Батя». Такого ранга мог добиться только настоящий офицер, которого любят солдаты. Потому что «батя» – самый уважаемый ранг, который солдаты могут присвоить генералу, как бы странно это ни показалось. Если где-то командира называют «батей», значит, даже пришедшие в часть солдаты будут относить к нему

с уважением.

Батя вышел на балкон с вопросом:

– Ну че, стройбаза, где командир ваш?

– Тут, товарищ командующий!

– Укрепляемся? Песка хватает?

Мы усмехнулись.

– Так точно!

– Ты парней покормить не забудь, пойдя до столовой и узнай, когда ваше время.

– Есть.

Генерал постоял и посмотрел на нашу работу, продолжил общение с командиром:

– Посты приняли?

– Так точно, уже первый наряд наш стоит.

– Отлично. Значит, зайдешь к РАВисту, заберешь у него боеприпасы, что выдаст, потом к связисту. Завтра уже надо будет на охрану людей выделить, команды поедут за Евфрат и к артиллеристам. По человеку.

– Принял, есть.

– Вечером на совещание, построение в 21:00.

– Есть.

Батя посмотрел на нашу работу, потом подошел к одной из бойниц, которую мы уже заканчивали, постучал по ящику. Глухо. Ящик был забит песком.

– Роскошно! – сказал командующий и ушел в кабинет.

Через некоторое время пришел начальник вооружения и

сказал:

– Ну че, убийцы, пошли получать подарочки!

Двое из нас поставили ведра.

– Не, всей толпой, ребята. Подарки большие – вы вели себя хорошо. Двоих вот как раз оставьте доделать, остальные – за мной!

Мы поднялись на самый верхний этаж, в большую комнату. Офицер сказал:

– Так. Значит, набираем ВОГи для АГС (снаряды для переносного гранатомета), берем цинки (цинк – это железная коробка для патронов) 5.45 и 7.62, по два цинка и ящик гранат. Это вам в пользование. Так, кто поздоровше? Ты и ты. Вам достается главный аргумент! – И широким жестом она показал на огромный сверток в брезент. Это был пулемет ДШК. Очень мощный и тяжелый.

– Его на крышу.

Тащить его было удовольствие ниже среднего.

– Ну все, сынки. Пулемет не поломайте, патроны не возвращайте.

Дальнейшие задачи по оружию уже поставил командир:

– Значит так, парни. Сейчас тащим ПТУР на крышу, снаряжаем. Дальше туда же два АГС и снаряжаем ленту. Снаряжаем ленту для ДШК, ставим на опоры. К вечеру мы должны быть упакованы.

Началась работа.

Это была приятная работа. Это общение, общение со сво-

им оружием. Во-первых, ты делаешь это сам, для своей же безопасности. Во-вторых, есть ли что-то более мужское, чем заряжать патроны калибра 12,7 для большого пулемета, сидя с боевыми товарищами под восточным солнцем? Заряжать снаряды для гранатомета АГС – до характерного щелчка, чтобы паз попал в ленту. Разбирать гранаты, вешать их на бронежилет или разгрузку, снаряжать магазины – именно магазины с патронами, а не «рожок». Потому что это – магазин, а «рожок в магазине себе купишь, долбоеб!». Вообще в армии терминология решает многое, более того, на каждый вид войск есть своя терминология, которая является священной. Например, у водителей нельзя так просто взять и завести машину. Потому что «заводят хуй за щеку, сынок, а двигатель запускают». И так далее. Но объединяет одно – бережное и профессиональное отношение к технике и оружию у бойца. Поэтому ДШК разобран и смазан. Но не тут-то было. Потому что «смазывают жопу перед еблей, сынок, а оружие – обслуживают». Тут главное не спать, а то живо попадешь впросак. Кстати, «спать дома будешь, а тут – отбиваются». От слова «отбой».

Ловкие руки за беседой, занятые приятным делом, не чувствуют усталости. Пулемет обслужен, магазины снаряжены, двигатели запущены, до отбоя час.

Построение. Переключка. Доклад. Вышел Батя.

– Значит, без лишних разговоров. Вы переданы командованию направления, задач будет много. Обстановка налажи-

вается, но спокойной ее назвать трудно – работаем по всем направлениям. Подробности вам доложит ваш командир, – Батя закончил и ушел.

Командир взял слово перед нашей группой:

– Значит, смотрите, парни. Сейчас меняем наряд на КПП, смена там четыре часа. Пока все тут – меняемся поровну, четыре через восемь. Дальше в зависимости от задач. Водители передаются капитану Серову, вы в наряды не ходите, у вас свои задачи. Сейчас идете в парк, получаете там задачи, свободны.

Три водителя из Смоленска, переданные нам, вышли из строя и удалились. Командир продолжил.

– Завтра трое едут по направлениям, один с артиллеристом по позициям, второй с инженером, третий – со связистом. Таааак. Кто наряд меняет – выйти из строя, отбиваться.

– Петруха!

– Я! – ответил я из строя.

– С инженером поедешь за Евфрат. Выезд где-то в восемь утра, найдешь инженера, или в парке его жди, там машина будет.

– Есть, – и подумал. – Роскошно.

Пулемет ДШК

Фото взято из открытых источников интернета

Глава 6

Ожидание и реальность.

Мысль о посещении Евфрата меня взбудрила. Для меня это было нечто личное. Как ни странно, закончил я истори-

ческий факультет, где про Евфрат я слушал, читал и пересказывал. На исторический факультет меня загнала тяга к изучению истории, как нетрудно догадаться, в школьном образовании Евфрат также фигурировал.

Если коротко, то Евфрат – это, как сказано выше, колыбель истории, начало цивилизаций. На нем зарождались и гибли государства, на нем началось христианство, на нем происходили великие свершения.

Он помнит все.

Но лично для меня еще была важна фантазмагория событий, при которых я окончил исторический факультет 7-8 лет назад. Уже на первых курсах мне было ясно, что история мне денег не принесет и зарабатывать я буду другим. Я учился, что называется, «для души», и знания о Евфрате в душу входили тоже. И вот, завязав с наукой, я в составе роты спецназа поехал воочию видеть то, что изучал и от чего отрекся, словно история меня настигает.

Я не стал делиться с парнями своими эмоциями от предвкушения посещения реки Евфрат, просто лёг спать и уснул.

Евфрат, жди.

Заснул я моментально. Все проснулись от мощного и гулко-го взрыва. Мы повскакивали с мест. Никакой тревоги не поднято, значит, все в порядке. Как оказалось, за холмом стоит наш артиллерийский расчет, который периодически отрабатывает позиции, с этим надо жить. Ну, когда снаряды летят не в тебя, а от тебя – привыкнуть к этому проще.

Утром, после гигиены и завтрака, я спокойно собрался. Время было еще достаточно. Взял из-под кровати автомат, неспешно надел бронежилет, хлопнул по подсумкам – магазины на месте, прицепил пару гранат и со всем этим добром вышел в парк. Меня как раз встретил инженер – очень бодрый майор, подвижный и моложавый парень.

– Ты пока броню скинь, надо будет немного мин и взрывчатки покидать в кузов.

Он повел меня за собой в парк, где стояли грузовики – бронекapsулы, бортовые и тентованные. И, к моему удивлению, мы остановились у самого обычного бортового КАМА-За. Водила – приятный парень – махнул мне рукой, подозвав к себе, познакомились:

– Миха!

– Пётр.

– Так, давай ящики пошвыряем, тут немного!

Он запрыгнул на борт, я стал подавать ящики. Подошел инженер:

– Вы только сильно не кидайте, а то это как бы мины и взрывчатка.

Процесс замедлился. Загрузив, майор подошел к нам:

– Смотри, как черту города покинем, через километр будет мертвая зона. Там все разворочено, и мирняка там нет. По имеющейся информации, там могут прятаться пидорасы, потому что мародерить там тоже нечего. Водители обычно проезжают быстро и тихо, но если увидишь какое шевеление

и почувствуешь угрозу – стреляй, на всякий случай.

– Есть.

Соображая, что в кабине всего два места, пассажирское и водительское, я пришел к выводу, что ехать мне придется в кузове. Так и получилось. Я сел на одну упаковку с минами. Борт КАМАЗа был всего сантиметров 30-40, обычное железо – половина меня торчала на улице, ноги были закрыты тонким слоем железа, а сидел я на ящике с минами. В принципе, звучит надежно – можно ехать без остановки по районам, где тебя вполне себе могут обстрелять. Водитель был опытный, дорогу знал хорошо. Нацепив очки, чтобы не задувало глаза, я приготовился ко всему возможному.

Наше место дислокации находилось уже рядом с пределом города, за поворотом его рубеж. Но особенность жизни в пустыне – это борьба за каждый пригодный клочок земли. Если посмотреть на карту, то все населенные пункты отмечены своими названиями, однако же таблички перед деревнями и любые другие административные деления я не видел – это была вереница из одноэтажных хижин на любой зеленой территории. Хижины уже были привычно либо обстреляны, либо сожжены, но некоторые были целы, и там явно жили люди – беспокоиться не о чем. Если садык сидит, курит кальян или пьет матэ, беседуя со своим другом, пока женщина таскает воду, рубит дрова или пасет скот – беспокоиться не о чем. Однако закончилась и эта полоса. Наступила пустыня. Единственный отголосок цивилизации – это столбы

ЛЭП. Провода, конечно, были оборваны, а сами столбы через одного были скошены и искорежены, но ведь куда-то они ведут?

Загадка развеялась через километр – недалеко от дороги стоял небольшой нефтезавод. Огромная его цистерна была смята и наклонена, остальное целое и даже не сгоревшее.

А по другую сторону как раз и находились дома. Теперь понятно, какой участок имел в виду майор.

Я снял с предохранителя автомат и направил все свои сенсоры на поиск угрозы. Оружие в положении, когда вскинуть и прицелиться займет минимальное время. Десяток развороченных строений, на улице лежали их внутренности – какая-то мебель, вещи, одежда. Водитель заметно прибавил газу, машину потряхивало. И тут между домами я увидел силуэт, мелькавший от стены к стене! Я вскинул оружие, направил ствол, но стрелять было не по кому – он либо укрылся, либо мне показалось.

По рации докладываю майору:

– «Аргун», я «Хохол» (такой у меня был позывной), видел движение, скрылся среди построек.

– Принял, – зашипела рация в ответ. Через секунду майор добавил:

– Да и хуй с ним.

Дорога через километров пять пустыни вела к начинающейся зелени, а значит, к населенному пункту. Где-то тут должен быть мой Евфрат, где же он, где же он?..

Местное население тут более открытое, чем в городе. Люди махали нам, дети бежали за машиной и что-то все время кричали – клянчили деньги – старики же на нас смотрели добро. С недоверием на нас смотрели только женщины, половина которых была в парандже, но к этому привыкаешь быстро. Начались блокпосты с сирийцами, мы замедлились, я встал и смотрел уже прямо, через кабину, в поисках начала Евфрата.

В моей голове заиграли какие-то причудливые мотивы, как мне казалось, древних государств, образ могучей реки и саванны по берегам, визитная карточка Востока – как наша Волга, например.

А когда я увидел реку, у меня пропало все настроение, и это было абсолютно не смешно: мелкая, быстрая, мутная речушка, шириной метров 40 с колючками по берегам, одну из которых жевал плешивый ишак.

Где-то растительность была погуще, где-то колючки, но оазисом назвать это можно с трудом.

На берегу я увидел кучу техники, как военной, так и строительной – велись постоянные работы. Мост взорвали, по реке до сих пор периодически плавают мины и трупы, но уже меньше. Действует мобильная переправа – понтон, который толкает вездеход-амфибия.

Точное фото переправы

Фото взято из открытых источников интернета

Понтон без остановки ходит от берега к берегу, как трамвай, перевозя военную технику, а также гражданских. Как видно на фото, помещалось на понтон солидно. Приоритет, разумеется, отдавался военной технике, но сирийцы-селяне практически поголовно перемещаются на мопедах, поэтому давки и очереди не было. Однако я заметил странную деталь – было также много небольших грузовичков, и было видно, что люди переезжали. Причем большими количествами и все в обратную от нас сторону. Это меня немного насторожило. Переправа заняла примерно полчаса. На переправе служили и работали на технике полностью русские – сирий-

цев не допускали к дорогой и сложной технике. Можно было слезть, пообщаться и покурить с парнями. Техники, водители и бойцы охраны, а также четыре блокпоста сирийцев – пара опорников и один ДШК на кузове грузовичка, повернутый на ту сторону.

– Постреливают? – у меня возник первый вопрос.

– Бывает. Но как дашь пизды из ДШК – сразу на той стороне тихнут.

– Как в «девятой роте»? – усмехнулся я.

– Ну типа того. Композиция AC\DC. У тебя сигареты российские?

– Да, – достал я пачку и открыл, – угощайтесь.

– Местные сигареты – говно. Но я почти привык.

– Давно тут?

– Полгода.

– У-у-у, братец. А когда ж вас сменят?

– А не знаем. Редкие спецы тут долго сидят.

– Ну хоть разбогатеете, – попытался подбодрить я.

– Угу, – последовал короткий ответ.

Настала наша очередь пересечь Евфрат. Я все же попытался взглянуть в воду, ожидая ответа о величии – может на середине реки мне откроется то, чего я не смог увидеть с берега? Нет.

Переправившись через реку, мы двинулись дальше.

Села, дома, сожженная техника, дома все чаще более целые, нежели в городе. На некоторых пулевые следы, крупные

здания разрушены.

Удивительно, но я не увидел ни одной целой мечети, хотя утренний намаз мы слышали, он всегда звучал в одно и то же время по громкоговорителям по всему городу.

Разрушенная мечеть Заевфратья.

Упавший минарет и полностью осыпавшийся купол.

Кажется, мы подъезжали к цели нашей поездки – большой дом, где находился 5-й ДШК (*Не путать с пулеметом. В данном случае, ДШК – это добровольческо-штурмовой корпус, одно из соединений сил армии Сирии*), в котором находились наши военные советники. К ним мы и ехали. Штаб 5-го ДШК находился также в большом и просторном доме, куда нас пригласили. Водитель остался с машиной. Нас встретил командующий, с которым вышло несколько садыков:

– Пойдемте разгружать.

Пока сирийцы таскали ящики, я стоял у машины. Около меня, но держа дистанцию, слонялись сирийские дети.

– Садир, массари! Мани, Садир! – просили они меня. Для местных мы – мешки с деньгами, главный источник дохода. По их меркам, наша зарплата – космически огромна.

Но подходить близко боялись – за этим следили старшие. Злить нас лишний раз они правильно считали лишним. Если мы считали нужным чем-то поделиться с детьми – мы обычно покупали коробку сладостей и отдавали ближайшему старику, показывая руками на детей – тогда они моментально бежали к нему толпой, тебя уже не замечая. Не стоит лишний раз испытывать психику людей, у которых 10 лет идет война. Некоторые дети при ней родились, но все же, тем жестче надо ставить себя и ни в коем случае не поддаваться на уловки.

Майор махнул рукой мне – пошли.

Я зашел в дом, где были русские, моментально начали зна-

комиться и общаться. Майор же на карте показывал места и принцип минирования своему коллеге, меня уже это не волновало.

Я общался с местными ребятами, которые рассказывали, что тут и как, что данная территория – приграничная с курдами, что тут им спокойнее, потому что с садыками стоят и более дееспособные союзные группировки, типа Хезболла – и указал мне на компанию, как мне казалось, садыков, сидящих неподалеку и также общавшихся с майором.

м. И правда, они отличались по форме, у них были другие шевроны, шевроны Хезболлы.

Хезболла...

Сколько я слышал об этой группировке по телевизору, особенно в начале «нулевых», когда политическая активность на востоке набирала обороты – с данной группировкой боролись и США, и Израиль. На момент тех событий у меня даже не было паспорта, а войны уже велись, и наивно будет полагать, что мой приезд что-то изменит: война продолжится. Мне было невероятно волнительно ощутить себя в гуще событий – мог ли малолетний я, смотрящий по телевизору репортаж о разборках между опаснейшими группировками предположить, что одна из них будет на моей стороне и дружелюбно разговаривать с нами?

Не знаю зачем, но я подошел и поздоровался с одним из бойцов группировки. Он отнесся к этому буднично, улыбнулся и потом показал жест – приложил руку к сердцу и кив-

нул.

Я спросил: «Тамам?» (Хорошо?) Он кивнул. После этого я отошел к нашим ребятам и продолжил беседу, иногда косясь на отголоски моих телевизионных грез, в них я увидел что-то такое, что отбросило меня назад и мысленно заставило придать этому значимость. В голове у меня пронесся вымышленный телефонный разговор с отцом:

«Алло, пап. Да все в порядке, да. Да вот тебе пацаны из Хезболлы привет передают. Ну давай, счастливо».

В дальнейшем мы также пересекались с Хезболлой, с одним бойцов я даже обменялся шевронами на память. Презент тому мальчишке перед телевизором, который позже оказался в телевизионном сюжете, по каким-то причинам так врезавшимся в память.

Возвращаясь назад, я без малейшего энтузиазма глядел на Евфрат, а потом и вовсе плюнул в него.

Тоже мне, колыбель истории.

Глава 7

Плохой мир хуже хорошей войны.

– Пацаны, апельсины будете? Угощайтесь! – залетел к нам Мага в кубрик и поставил пакет с апельсинами

– От души, братец. Где нарыл?

– Да у садыков во время поездки выменял на два сухпай-

ка.

– Мага, да ты тут похоже хлеще местных! – посмеялись по-доброму и взяли по апельсину. В условиях солдатской еды фрукты приходились всегда кстати.

– Сергуня, ты хоть их чистить не забывай! Тебе дай волю – сожрешь с коркой!

– И нас в придачу!

Сергуня – здоровый, веселый и не очень умный парень, хоть и абсолютно не злой. А без добрых подколов коллектив – не коллектив.

Потихоньку стали привыкать. График распределялся таким образом, что после четырех часов ночью дежурства на КПП под утро у меня было время поспать, если намечалась задача. Если задача затягивалась на сутки, то по приезде я могу сразу заступить в наряд и потом уже отдыхать. Маршруты изучены, и уже были получены первые деньги на руки – часть нам отдавали прямо там, на мелкие расходы. Появилась нужда тратить, а чтобы тратить деньги, найдется способ даже в разрушенном городе. Торговля – это особая часть арабского мира. Тут нет понятия «барыга» или «торгаш», тут это всегда часть уважаемого бизнеса. Однако для нас непонятно, почему, когда русские приближались к прилавку, начиналась резкая инфляция и иногда дефолт, потому что цены росли моментально, быстрее, чем улыбка продавца, который отвечал «Тамам!» – в переводе «Хорошо!» – и показывал палец вверх.

Сидя на КПП, можно понаблюдать за центральной дорогой, ведущей в город. Город оживал. Заканчивались очаги сопротивления по окраинам, противник выбит в пустыню или за Евфрат, люди начали заниматься налаживанием быта там, где это было возможно. По ночам становилось все больше огня и света, днем, помимо машин мухабаррада и военных пикапов с пулеметами или зенитными установками, чаще стали ездить гражданские машины, грузовики, автобусы. Все громче по утрам раздавался утренний намаз, значит, налаживали систему оповещений и восстанавливали мечети.

Поставленные задачи уже казались привычными, и, уезжая самому или провожая своих парней, все меньше было тревоги – вернуться или нет.

Вернутся, куда денутся. Патронов тьма, каждый из нас – воин, местность знаем, откуда прилетает, тоже разобрались. Стычки и проблемы уже не обсуждались так ярко, как в первые разы, впечатления уже составлены, появилась некая уверенность в том месте, где мы находимся, и в том деле, что мы делаем. Оставалось только одно – служить, ждать конца командировки, выполнять поставленные задачи. В отсутствие интернета, телевидения и смартфонов – досуг, если таковой был, заставлял нас искать пути развития. Во время поездок по развороченным местам собирали крупные железные обрезки и везли назад. Сварочный аппарат был, самое время делать качалку. Штанга из толстой арматуры, блины – тормозные диски от перевернутого автобуса и соединителей га-

зовых или нефтяных труб, гантели – кусок арматуры, а по бокам – из формочек застывший бетон. Более чем прекрасно.

Занимались на балконе, рядом с бойницами. Вместе с солдатами качались и офицеры, но закон джунглей, как на водопое, – в качалке все равны. Закончив упражнение, было особым удовольствием отдыхать, смотря в даль – где пустыня, край жизни и враги.

«Я готовлюсь, суки», – твой грозный вид говорил сам за себя. Хотя ты, конечно, прекрасно понимал, что ни один, даже самый мощный бицепс пулю не остановит. Но время занимать чем-то надо, а спорт – это хороший вариант.

– Пацаны, дайте автомат, – забегали к нам иногда снайперы.

– Да мне в наряд скоро.

– Ну возьми у меня ВСС, мне с переводчиком дали добро в город поехать, надо носков купить, мне на полчаса.

– Ну на.

Типичный диалог бытовой жизни. Переводчик был особой фигурой, очень уважаемый среди местных и «Башар, ты заебал» – среди нас. У него хорошая машина, он отлично одет, у него свои дела и своя игра с местными людьми. В город он выезжал часто и не отказывал бойцу взять его с собой, потому что в глубине города всегда есть рынок, на котором продаются вещи посерьезнее, чем консервы и сигареты.

Но туда вход только с «гитаржи» – переводчиком, либо сразу группой. В городе было еще много «спящих ячеек», да и не все наши враги побежали, некоторые укрылись тут и вернулись на какое-то время к мирной жизни.

«Восток – дело тонкое».

– Сигарет прихвати!

– Сникерсов!

– Наушники!

– Влажные салфетки не забудь! – кричали мы вслед.

Конечно, он не забудет. Потому что коллектив – это святое. В спокойные дни – бесконечные истории из жизни, байки и мнения об обстановке. С условиями нам более чем повезло, если ты находишься на базе – у тебя есть душ, есть электричество и отдельная комната. Кормили более чем хорошо, автономная кухня на весь гарнизон, если можно это так назвать, включающий в себя около 50 человек, в том числе и мы.

Особым удовольствием было выйти на огромный каменный балкон, закурить и молча смотреть в даль. Так делал каждый: смотрел, рассуждал и задавал вопросы чужому краю в поисках восточной мудрости.

Когда я поехал на рынок, то очень удивился. В глубине привычных уничтоженных кварталов стоял самый настоящий живой и целый город, который жил и функционировал. Целые дома, целые стекла, целые заборы и растения. На мой немой вопрос мне объяснили, что это – богатый квартал, ко-

торый просто-напросто откупился от террористов, тут не велись действия и сохранялся примерно прежний порядок в обмен на деньги и ресурсы.

«Восток – дело тонкое, Петруха!»

Когда я свернул на базарную улицу, передо мной раскрылся весь масштаб продаж – это было впечатляюще. Прямая и длинная, не в один километр улица, битком набитая людьми. Торговцы по бокам, покупатели и слоняющиеся – по центру. Рынок считается особым местом, многие женщины ходили без паранджи, дети бегали и кланчили с особой старательностью, взрослые подзывали нас к своим прилавкам примерно так:

– САДЫК!!!! САДЫК!!!

Агрессивный маркетинг. Ассортимент – практически «блошиный рынок». Какие-то барахолки, но иногда попадались и прилавки с новыми товарами – меня интересовали кроссовки.

Примерный рынок в обычный день. Всегда люди и продажи.

В выходные народу в десять раз больше.

Торговаться с арабом – дело, конечно, интересное, обязательное условие рынка. Обычно на торг они идут с удовольствием, так как при виде военных цена уже выросла, сбить ее до первоначальной почти невозможно. Разговор идет на смеси английского, русского, арабского и жестикуляции. Мирные жители – очень общительные и в целом дружелюбные люди, но все же законы торговли незыблемы.

– Тамам? – показываю я пять пальцев. Это означало пять тысяч сирийских лир. Один доллар на тот момент менялся примерно по курсу 1\400, то есть кроссовки мне вышли при-

мерно в десять долларов.

– Тамам, садык, тамам! – завернул мне покупку продавец. Кстати, тут нельзя жаловаться, если тебя обманули. Если тебя обманули, то ты сам виноват, а торговец молодец и делает ловко свою работу. Поэтому кроссовки тщательно осмотрел, все ли на месте. На месте.

Кроссовки нужны были, потому что становилось все теплее, а в одних военных ботинках не находишься. Хотя бы в расположении передвигаться в кроссовках – уже благо.

Выезжая на маршруты, которые проезжаешь регулярно, можно немного расслабиться – эти дороги проверены и безопасны. Можно сесть и наслаждаться тем, что ты едешь с оружием в руках по разрушенному городу, пока в России зима – тебе машут пальмы, пока в России богато – тут у тебя клянчат деньги. Пока в России – новости, бюджеты, стратегия и тактика, тут – слухи, надежды и задачи. Пока в России – соцсети, мессенджеры, кредиты и головняки – у тебя в руках оружие, на тебе висят гранаты, шипит радиостанция.

Один из сослуживцев провез с собой плеер – отлично. В списке композиций была песня группы AC\DC – «High way to hell».

Иронично слушать ее, стоя на броне грузовика, едущего по бетонному армагеддону.

Приехав в расположение, ты отлично знаешь, кто и что заказывал. Кому – сигарет, кому – пожрать. Даже если человек тебе неприятен и в обычной жизни ты явно не будешь

с ним общаться, тут же у тебя выбора нет, а поддерживать микроклимат в коллективе – это самое важное.

Надо отнести блок сигарет на кухню – парни просили. Зайдя в хозяйственный блок кухни – огромную палатку, где хранятся продукты, а также готовится пища, – я услышал голоса:

– Парни, кто есть тут?

– Есть! – отозвались с дальнего угла.

Нахожу компанию из пяти человек, двое пьют виски, один пьяный изрядно.

– Нихуя себе у вас перерыв. А че за повод?

– Да вот... один тут, – показывает старший на самого пьяного, – стресс тут у нас.

– Да пошел он нахуй!!! – оскалился самый пьяный. – Никуда я не поеду!!!

– А что случилось? – я так и не понял, куда должен ехать повар и кто идет нахуй.

– Да его Батя хочет за Евфрат закинуть, на 5 ДШК, а потом на запасной оперативный пункт.

– И что? – не понял я. – В чем проблема?

Тут самый пьяный посмотрел на меня злобно и разгорячился:

– Да нахуй мне это надо? Что бы меня там ебнули?! Мне и тут нормально сидится! Я не спецназ, мне похуй, я че сюда ехал?

– Так ты там так же на шлюмке будешь, какая разница?

Тебе ж не с ножом бегать по полям минным, – пытался я внести долю адекватности.

– Да там все время стреляют! – всхлипнул повар.

– Ты не поверишь, брат, тут война.

– Ну вот и ебашьте, воюйте. А я тут посижу, – ответил обиженно повар и отвернулся от нас.

Я отдал сигареты и удивленно пошел в расположение. Каким образом сюда попал этот человек? Ответ был прост – за деньгами и удостоверением ветерана боевых действий.

Впоследствии его отправили домой.

Без видимой атрибутики современного человека – гаджетов, дорогой одежды, повседневных дел и большого количества людей вокруг, коротких встреч, в которых друг на друга наплевать, в этой же обстановке поведение людей сбрасывалось «до заводских настроек». Одинаковые условия, одежда, одна цель и одна ответственность открывали человека таким, какой он есть, был и, наверное, будет. Одних людей снимали с задач, поставленных ранее, другие ожидаемо выбивались в лидеры.

В наше расположение часто приезжали различные люди. Это и сирийские генералы, иногда представители курдов, соседние наши генералы, представители Мухабаррад. В одно время количество посещений участилось. Следует понимать, что как таковой административной власти в городе не было, власть была военная – руководили всем сирийские силовики и местная знать, оставшаяся в городе. Однако без

совета нашего командующего решения по переговорам с теми или иными группировками не принимались, но российская армия не вмешивалась в налаживание внутренней жизни Сирии, а она потихоньку начиналась.

Стало это понятно потому, что наряды по КПП стали динамичнее – каждая въезжающая машина проезжала 50 метров до ворот, минуя три заграждения, которые мы, выходя, отодвигали для свободного проезда: огромная тележка с камнями, доска с минами и ворота КПП. Эти заграждения против так называемых «ИГИЛмобилей» – укрепленных пикапов со смертниками. Влететь на скорости было невозможно. Каждый въезжающий экипаж попадал только после доклада и разрешения от штаба. Больше всего заполнился наш родной УАЗ «Буханка» с представителем, скажем так, альтернативных военных соединений, с позывным Дикий. Это был огромный бородатый боец с фигурой культуриста, который сразу из «Буханки» выгрузил самодельные гантели и штанги, а уже потом личные вещи. Поздоровавшись с нами, он направился сразу к генералу в кабинет, до утра мы его не видели.

Ночью нас подняли всех по тревоге. Недалеко от нас, на той стороне Евфрата, был бой, ставший в итоге одним из дипломатических скандалов внешней политики. Бой был страшный. Сначала мы ничего не понимали и думали, что это работает наша артиллерия по врагу, и адреналин мешался с улыбкой и переглядами. Небо сверкало, грохот не кон-

чался, не слышно было даже автоматных очередей – это все перекрывалось взрывами. Потом стало понятно, что все не так, мы очень зря улыбались. Генерал из своей комнаты кричал в телефон прерывисто и матерился, начальник штаба бегал из кабинета в кабинет. Дикий то и дело выскакивал на крышу, пытаясь кому-то дозвониться по кнопочному телефону, суется и матеряется. Атмосфера непонимания происходящего совместно с грохотом войны, суетой командования и общей паники убивала всю смелость задать вопрос.

Мы стояли.

– КУДА БЛЯДЬ!?! КТО ОТДАЛ ПРИКАЗ?! У МЕНЯ БОЙ ИДЕТ, СВЯЗИ НЕТ! – отрывками доносился крик Бати из кабинета.

– ДА ПОШЕЛ ОН НАХУЙ СО СВОИМ «СТОП-КОЛЕСА!»

Мы стояли.

Авиация не была поднята, хотя аэропорт находился в паре километров от нас, артиллерия дала всего пару залпов. Мы ничего не понимали, что конкретно происходит, да и не особо хотелось. Не хотелось даже курить и вообще шевелиться. Встретившись глазами с товарищами, видно было только зеркальное отражение твоих эмоций – пустота и ожидание. Мы просто держали автоматы в руках, смотрели вдаль, на вспышки, и ждали, когда все это закончится.

Закончилось к утру.

С утра Дикий выскочил бегом, закинул все в машину и,

выжимая все из «Буханки», покинул нас. Больше я его никогда не видел.

Тишина сопровождала нас весь день. К сожалению, мы получили ответы на вопрос – в ту ночь нас покинуло 240 бойцов при обстоятельствах, которые еще долго обсуждались и еще долго не обнародуются. Да, наверное, и не обнародуются. Незачем.

Служба продолжалась, наряды и выезды на день распределены, на моей кровати лежал апельсин.

«Отдам Сергуне» – подумал я.

Глава 8

Обратная сторона тупости.

– Сань, дай пулемет? Мне с инженером ехать далеко и в пустыню, – подошел я с привычным вопросом.

– А ты мне что? – начал разыгрывать сцену Саша.

– А я тебе автомат.

– Вот спасибо, друг, вот спасибо. А неожиданно-то как.

– Ну не выёбывайся, ну Саш. Ну дай?

– На! Только короб заряди, пошумели давеча.

– Добро.

– И с тебя шесть шармуток! – вдобавок крикнул Саня.

Шармутки – это проститутки, по-арабски, только грубее.

– Шесть! Не лъсти себе, Шура. Тебе одну за глаза и то слепую.

С инженером ездить мне понравилось. Он простой музыкант, уважающий солдата, и у него самые интересные задачи и самые крайние точки поездок. Были и выезды «к ленточке» – линии разграничения сторон, ночи в пустыне на бронне, были и «веселые» поездки по городу, была смена дислокации. Но больше всего мне нравились дальние сопровождения по провинции, на 40 или 50 километров, чем как раз часто занимался инженер. Всегда есть время все увиденное прочувствовать, а то, что прочувствовал, обдумать. Размышления о том, где и в какой ты ситуации, будили самые странные стороны твоего сознания и мироощущения, пробуждая их от гаджетов, соцсетей и пресловутой бытовухи. Становилось понятно, что тебе хватает для связи с родными кнопочного телефона, а во время свободного вечера – бесед с товарищем, спорта или занятий своими делами: обслуживанием оружия, ну либо выполнением работ внутри места дислокации. Всегда крепкий сон. Даже не понимаю, как и при каких обстоятельствах я потерял позже сон на гражданке. Спать, когда ты можешь не проснуться, спать, когда рядом грохочет артиллерия, спать, когда поднимают по тревоге (пусть даже учебной), спать, когда наряд начинает стрелять по беспилотникам. На секунду открыл глаза – все в порядке? В порядке – и сразу спать дальше.

Силы нужны.

На этот раз все же едем в броннекапсуле, то есть я могу спокойно стоять, наблюдая из люка за пейзажем. Стрелковое

оружие не страшно, ну а если стрельнут из ПТУРа, то от меня уже ничего не зависит, так что можно расслабиться.

Ехали примерно за 40 километров, недалеко от границы с Ираком. Там также обитали враги, причем по обе стороны. По-правильному, линии разграничения, как указывалось выше, минировались, причем с обеих сторон. Задача была простая – доехать, встретиться с группой садыков, доехать до места, садыки по указу майора минируют, я охраняю майора, машину и все, что было связано с этим. Упростилось все тем, что с группой садыков был сирийский офицер и переводчик. Доехав, я, как обычно, осмотрелся. Судя по всему, «ленточкой» служит дорога. Я спросил у переводчика, функционирует ли она, откуда и куда ведет.

– Нет, садир, она между сел, они сгорели. В Ирак другая дорога ведет, шоссе.

Ну и отлично. Приехали и спешились. Майор раздавал указания офицеру через переводчика, солдаты кивали. Майор показал на схему, показал направление, они удалились. Майор же, проверив связь, облокотился на бампер машины, я залез на крышу капсулы, водитель сел в тени и закурил. Майор наблюдал и делал корректировки сразу. Я достал пулемет и сел наблюдать. Садыки состояли из группы в десять человек, офицера и переводчика. Они двинулись на маленьком грузовичке, у них с собой все было сразу – мины, лопаты. Половина начала работать, остальные охраняли. Вооружены автоматами, и у всех автоматы до единого грязные,

убитые. За такое отношение к оружию у нас есть все шансы получить прикладом в грудь, у офицера же еще был пистолет в кобуре, его состояние оценить не удалось. Все шло своим чередом, пока мною не была замечена едущая издалека легковая машина по той самой дороге, которая «не работает». Я доложил майору, он посмотрел на нее и передал по рации. От нашей машины до дороги расстояние было метров 300-400, от садыков до дороги чуть менее ста.

Садыки, приняв информацию к сведению, встали и стали на смотреть на машину. Это был пикап без флагов, но не «ИГИЛмобиль» и без крупнокалиберного пулемета в кузовке. Там находилось 2-3 человека, которые закономерно открыли огонь из автоматов. Судя по всплескам от пуль, стреляли не прицельно, чтобы «пригвоздить» к земле, так сказать «покошмарить».

– Ёб твою мать! – крикнул майор, моментально рухнул под машину и изготовился к бою. Я схватил пулемет и начал поливать в сторону уже уходящей машины, снизу же раздавался рокот автомата майора. Водитель замешкался на секунду, потому что свой автомат он оставил в машине, что потом немым укором было от нас двоих к нему.

В нормативах по стрельбе есть такое понятие «обстрелял», а есть «поразил». Две фигуры с пикапа все же пригнулись, а один вовсе практически сразу лег – даже если его не зацепило, то было очень рядом, что заставило прекратить огонь и лечь. Плотность стрельбы была небольшая, так как

стреляли только мы с майором, пока водитель суетился за автоматом, пока снял с предохранителя... Садыки же лежали, а те, кому не лежалось, по классике побежали в нашу сторону, трое же побежали врассыпную во все стороны.

– Куда, блядь!! КУДА, МУДАКИ! – кричал майор в рацию, но его было слышно и так.

– Куда по минам, блядь!!! Стоять! СТОП!

Машина удалилась, судьба ее неизвестна. Садыки же, кто не добежал к нам, сели в грузовичок и поехали.

– Какого хуя?! – майор орал на офицера и переводчика. Сирийский офицер и солдаты что-то живо наперебой говорили, кричали.

Я же все время смотрел на водителя, который тоже очень сильно облажался. Он же, уже с оружием в руках, все смотрел в сторону уезжающей машины, воинственно заискивая и всем видом давая понять, что обстановка полностью под контролем.

– Ну ты тип! – усмехнулся все же я, но зла не держал. Скорее всего, этот урок он усвоил на всю жизнь, потому что оказаться, пусть и косвенно, но все же под обстрелом без оружия – это все равно что бежать по минному полю от автоматной очереди.

– Да ты заебал! Че ты? – все, что он ответил мне, мне было достаточно. Ребятам на базе я, конечно, рассказывать не буду, если он сам повода не даст. Ну да ладно, дело быстрое.

Из эмоционального рассказа стало понятно, что садыки

отныне не хотят идти минировать дальше, так как один из них был «ранен». Раной служила царапина на ноге, скорее всего, от падения, или всплеск от пули выкинул камень, или типа того, но «ранение» явно непулевое. Он очень сильно старался корчиться, изображая муки, я смотрел на майора, переводчика и с усмешкой на водителя.

«Хуже нет противника, чем союзник долбоеб», – вспомнилась мне древняя армейская мудрость.

Майор опустил голову вниз в раздумьях.

– Поехали в Меядин, к нашим.

Садыки в спешке запрыгнули в грузовичок и поехали впереди нас.

В Меядине стояло наше соединение. Оттуда майор решил выйти на связь, чтобы запросить дальнейшие действия – либо поменять команду садыков, либо ехать назад и оставить все местным.

Как приятно встретиться с нашими на пунктах. Это всегда теплый прием, особенно если учесть, что в том соединении находились три парня с нашего батальона.

– Здорова, парни! – поздоровался я со всеми.

– О-о-о, какие люди, да без охраны! – вышел один из нашего батальона, услышав знакомый голос. Они располагались в укрепленном палаточном лагере, быт у них был еще более свободный, чем у нас. Все же не так много высокого начальства.

– Охране не нужна охрана, братан! – ответил я, поздоро-

вавшись и обнявшись.

Русские – всегда русские. Потому нас сразу повели за стол, предлагая поесть, что никогда не бывает некстати. Тем более командир дал добро и сказал ждать, водитель же отправился на дозаправку.

– Ну че у вас тут? – спрашиваю, орудуя ложкой

– Да все ровно, все в норме.

– Стреляют?

– Стреляяают.

Дальше пошли расспросы «как там наши?», обмен слухами и прочее. Выяснилось, что наши парни на этом рубеже стоят практически без выездов, периодически постреливая в подобных шальных водителей, но у них есть самая большая проблема – это беспилотники. Это такая зараза, с которой на тот момент справиться было тяжелее всего. Это новое слово в ведении боевых действий, ответ на который дадут еще не скоро. Проблема в том, что стрелять в летящий на 500-800 метров над землей дрон, который размером меньше, чем табуретка, практически бесполезно, особенно из автоматического оружия. Чуть выше шансы у пулеметов, самый действенный способ – это радиоэлектронная борьба. Но не все гарнизоны укомплектованы подобными соединениями, а производство беспилотников шагает гораздо быстрее, чем методы борьбы с ними.

Тем временем майор закончил сеанс связи, и решение было принято моментально – едем назад, в своё расположе-

ние. Дорога назад занимала примерно час, я ехал и понимал, что мне все же придется обслуживать пулемет, так как я из него стрелял, а потом сразу же заступать в наряд. Ну, это не страшно, так как я уж поел, ну а сон – когда бы он не наступил – он будет всегда крепким. Пейзажи дороги пустыни хороши по-своему. Но все же, что особенно запоминается – отличная по качеству дорога. Смешно было, когда в результате продвижения боев был разрушен виадук через внезапную пропасть, и наши инженеры сделали переправу чуть в стороне с подводящей дорогой. Все, что делали под нашим руководством – в ямах и колдобинах, а до и после – ровный асфальт. Кусочек родного российского разгильдяйства посреди пустыни.

Никаких оазисов. Никакой жизни. Только песок и очень редкие гражданские автомобили. Признаться, в пустыне есть что-то завораживающее. Это не напоминает тоску русской души, когда в долгой поездке в поезде, ты смотришь на мелькающие стволы деревьев, которые, прерываясь, показывают поля или водоёмы. В данных пейзажах ты никогда не чувствуешь себя одиноким, ведь косвенно все это – твое, а лужайки и елки Новосибирска мелькают так же, как и елки Ярославля. Пустыня – это простор. Это горизонты, за которыми снова простор. Оглядываясь назад, ты видишь все тот же простор, дорога не запоминается, и складывается ощущение, что ты в старой компьютерной игре, где графические текстуры подгружаются медленно, как только ты преодолел

ешь очередной рубеж. Завораживающее одиночество, монотонность размаха и цвета, ветра и пейзажа. Не покидает тебя и уберегает лишь то, что косвенно роднит тебя со всей планетой – это солнце. Застывшее светило человечества.

Однако иногда посреди ясного, пусть и зимнего дня, солнце прячется за песчаной бурей. Песчаная буря – удивительное явление. Вопреки мнениям, не происходит ураган и вихрь из песка в лицо, так что невозможно дышать. Скорее, это песчаный туман, который мешает обзорности на километр и оседает насыпью песка по всей площади, песок же потом либо уносит ветер, либо смывает дождь. Дожди зимой – это явление частое и продолжительное. Если зарядил дождь – это минимум на день плотной стены дождя.

Но за всем этим обязательно выглядывает солнце.

Рубеж любой пустыни – это увеличивающийся поток машин, это начинающиеся постройки – значит, уже рядом город. Въезд, открывающиеся ворота. Спрыгнув с кузова, я замечаю фигуру у КПП, которая стоит и машет руками в диалоге. Мне в любом случае нужно было зайти на КПП – там уже стояла моя смена, не хватало только меня, я хотел им сказать, что сейчас отдам пулемет, умоюсь и приду. Фигурой оказался полковник в обычной «зеленке», российской форме, размахивающий руками:

– Кто такой? Доложить по форме! – он посмотрел на меня строго. Я немного растерялся, так как уже не первый день мы не дышим воздухом устава, а армейский быт налажен на

уважительном общении с командованием, без строевых элементов.

– СМІРНО! – попытался крикнуть полковник. Это был небольшого роста пухленький дядечка, как оказалось позже – всю жизнь штабной офицер, а это его первая командировка вообще куда-либо за пределы штаба. Я сложил руки по швам, убрав пулемет за спину.

– Товарищ полковник, – начал я доклад своей должности, звания, фамилии.

– Ты что, дослужился до сержанта и не умеешь держать оружие?! Что это за ремень?

Тут мне стало все понятно, особенно глядя на поникшие лица своих товарищей. Данный субъект был «уставной».

Устав в армии – вещь основополагающая ровно настолько, насколько и отрицаемая многими военными. Одна из самых саркастических поговорок в армии: «Тот, кто служит по уставу – завоюет честь и славу!». Там, где следование всем статьям устава заменяется смекалкой и нестандартным мышлением – там грустит один подобный полковник.

– Так удобнее же так воевать, товарищ полковник!

– Удобнее ему. ПОЧЕМУ В НАРЯД ОПОЗДАЛ? – тупее вопроса не придумать.

– Так на выезде был, – впрочем, тупее ответа тоже.

– На выезде был, – бурча, передразнил меня полковник и скомандовал:

– Вольно!

Полковник осмотрел все еще раз и сказал:

– Дежурный, задачу вы поняли. До конца смены устранить!

– Есть! – грустно ответил дежурный.

Полковник ушел, я уже остался, подошел к парням:

– Это что, блядь, сейчас было?

– Это новый начальник штаба. Знакомься. Полковник Тымаев, – ответил мне дежурный.

– Все очень плохо? – спросил я без особой надежды в голосе.

– Да. Знаешь, чем мы сейчас заниматься будем? Двое дежурить, а третий сейчас будет клеить бирки в бойницах. Тут патроны, тут гранаты, график дежурств, ответственный такой-то, а еще он спросил, есть ли у нас метлы тут и лопаты?

– Зачем? – внутренне я догадывался, зачем, но все же, вдруг чудо какое-то свершится.

– За нами закрепят территорию, и мы будем мести ее и содержать в чистоте.

– Так и так же чисто, мы тут не мусорим, а мусор вывозят централизованно, – я всеми своими органами пытался зацепиться за здравый смысл, хотя прекрасно понимал, что солдат, метущий территорию, – это улада для глаз любого уставного долбоеба.

– ТАК ПЕСОК ЖЕ НА ТЕРРИТОРИИ! – максимально саркастически ответил мне Андрюха.

– Ебать, – резюмировал я, – вы, надеюсь, ему не говорили,

что в пустыне тоже песок? Может, там метлой махнем пару раз?

– Смешно тебе, походу? А он тут надолго.

Нам принесли листок с распечатанными бирками и ножницы со скотчем. Канцелярия у нас была в полном порядке – можно все клеить. Клеить бирки в армии – это второе любимое занятие после поиска лопаты, потому что, как гласит армейская мудрость, «солдат без бирки – что баба без дырки», действие убивает напрочь весь боевой дух, особенно в свобододолюбивых соединениях спецназа.

Расклеив бирки, мы принялись по очереди подметать закрепленную территорию. Автомат за спину, в руки метла – и пошел выполнять поручение начальника штаба – мести песок в центре дома центра пустыни.

– Это че за хрень? Ты что там делаешь? – окрикнул меня Батя, вышедший покурить на балкон.

– Товарищ командующий, это приказ начальника штаба! Подметаем песок!

– Он что, ебанулся? – генерал забычковал сигарету и спешно покинул балкон.

Стало спокойнее. Батя с нами.

Глава 9

Взлеты и падения.

Шли недели. Складывался быт, общение с местными жителями было своеобразно, но выстроено. Находясь на точке дислокации, в нарядах, очень интересно смотреть за бытом и людьми, окружающих тебя. Нельзя судить категориями «плохо» или «хорошо» о том месте, где ты впервые, о культуре, в которой ты не жил, и жизни, которая идет вокруг тебя. Это не твоя жизнь. Вот проезжает маленький грузовичок, забитый овцами. Вот проезжает шикарный внедорожник, блестящий, с ревущим двигателем. Проходят толпы людей с автоматами – очередное соединение противоборствующих сторон – хуситы. Косвенно это наши союзники, по факту – толпа людей с оружием.

Поодаль от нас, в разрушенном здании университета, остался более-менее живой один блок. По окончанию активной стрельбы сразу же начались занятия – автобусы привозят студентов, которые ходят в джинсах, легких джемперах или рубашках, с виду обычная молодежь со светлыми лицами. Непонятно, откуда они приезжают, но их появление является собой веточку мира и надежды. Классно, что в такое время и в таких условиях люди продолжают тянуться к знаниям, приятно ощущать, что наука – вне границ, религий, рас и наций. Сидя или стоя на посту с оружием, обвесившись гранатами в бойнице (с бирочками), приятно наблюдать за молодыми людьми с рюкзаками, идущими в корпус. Сгоревший корпус с забитыми окнами.

Добро сильнее.

– Салам садир! – к нам подходит знакомый садык по имени Мухаммад.

– Ооо, садык! Салам! – встречаем его мы.

– Тамам? Кейфа тамам? – спрашивает он «Как дела?» и поднимает палец вверх

– Тамаааам, – отвечаем мы.

Стоит, ждет. Мухаммад – бывший сотрудник полиции, офицер. Они находились в соседнем здании, и мы не понимали, как устроена их служба и есть ли она вообще. В городе военный порядок, но при расспросе на смеси жестикуляции, арабского и английского мы поняли, что непосредственная полицейская работа все же ведется. К тому же, у него был смартфон с переводчиком. Сейчас он подрабатывает, как и многие садыки, курьером для российских военных – привозит на заказ из ларьков то, что попросят, включая в сумму свои услуги курьера. Наверное, странно осознавать, что офицер ездит на мопеде за шаурмой для солдат. Но таковы реалии. В остальное время он сидел неподалеку и просматривал арабское порно. Удивительное дело – вы никогда не услышите здесь на рингтоне мелодию, вообще не услышите какие-либо популярные на весь мир песни, потому что они слушают только религиозные песни молитвенного типа. Не едят свинину. Но и не совершают намаз (*обязательная ежедневная молитва в исламе*) и смотрят порно.

– Ван шурма, ван пепси! – заказал товарищ, что означает одна шаурма, одна «пепси-кола». Пепси-кола, помимо пря-

мого назначения, еще и служила ловушкой для мух. Весна в тех краях ознаменовалась появлением туч мелких мух. Они не кусались, они просто садились на нас и дико раздражали. Мы в паре метров разливали чуть сладкой воды, чтоб хоть как-то отвлечь их от нас. Такие заказы Мухаммад получал регулярно и считался среди своих коллег авторитетным, так как был вхож в наше окружение. Хотя на это очень болезненно реагировал наш штатный переводчик Башар. Для него Мухаммад был конкурентом, хотя по авторитетности сравнение не имело смысла, все же Башар был человек высокий в городе.

И вот, Мухаммад, с телефоном полным порнографии, ехал за шаурмой на мопеде мимо корпусов университета, где светлые люди вселяли надежду миру.

Такие садыки, как Мухаммад, знали, что мы получаем часть денег на руки, а значит, с нами можно торговать. Торговать можно всем, если это есть в городе. Если нет – спросят в провинции. От солдатской еды в столовке и сухпайков мы перебивались местными сладостями и шаурмой. Местные сладости очень приторные и чересчур сладкие, много их не съешь. А вот с шаурмой оказывались сложные отношения. Пацаны, еще по приезде, нас сразу наставляли:

– Будете заказывать шаурму, говорите обязательно «но шавендэр»!

– Это что такое? – спрашивали мы.

– Ну это значит «без свеклы!»

– Чего?? Шаурма со свеклой?! – было странно диктовать недоумение шаурмой в том месте, где это блюдо считается исконным.

– Ага. Они еще и не того понапишут, если не остановить.

Так и было. В шаурме, помимо мяса курицы (свинины в меню нет – харам), могла оказаться кукуруза, болгарский перец, картофель, бобы и так далее. Собственно говоря, шаурма – это все, что есть, в лаваше. Местные отказывались принимать наши рецепты, это как в России диктовать, какие щи нам варить. Было необычно, но съедобно. Еще особым блюдом считалась курица-гриль, в простонародье «чикен». Подавалась в лаваше, с картошкой-фри и со странным сметанным соусом, ласково прозванным «спермой верблюда». Но удовольствие не дешевое, хоть у нас уже и появлялись карманные деньги, каждый день заказывать не было необходимости – кормили нас хорошо. Да и сухпайки современные съедобные. Парни, которые жили глубже в провинции, покупали продукты на местных прилавках и осваивали традиционную печь – тандыр. Наладить быт и тыл – это важнейшая задача, неважно, по какой заднице пустыни ты шарисься и сколько, но по возвращению в лагерь, если есть возможность поесть, постираться и просушиться, то выполнять задачи гораздо приятнее и проще.

В расположении уже периодически велись беседы, кто и на что потратит деньги. Кто-то погасит кредит, кто-то купит машину, кто-то отложит, а семейные люди знали, что их

деньги уже распределены. Основные деньги мы увидим только по прилете в Россию, если вернемся, но часть, выдававшаяся на руки, очень грела карман и будоражила местных. Некоторые вещи приходилось покупать, деньги тратились. Это и средства гигиены, так называемое «рыльно-мыльное», кто-то докупал себе вещи с приходом жары, в складчину – бытовые вещи, кто-то потихоньку закупал сувениры. Что не удалось доставать тут, заказывали через переводчика, он часто мотался в Дамаск – столицу Сирийской Арабской Республики. Мы уже знали, в какой день нам привезут деньги, мы уже знали, что есть специальный человек, который полетит на бешеном самолете в Хмеймим и привезет оттуда наличку. Покупки – это как часть развлечения, опыт общения с местными, для которых мы являлись важными персонами, богатыми, по их меркам.

Очень многое, что используют люди в этих местах, необычно. Если это парфюм – то такой, что пахнет на все помещение, если это чай матэ – то такой, что глаза на лоб лезут. Кофе – практически смола, густой и крепкий и вдобавок с имбирем, бодрит надолго. Лично я объясняю это тем, что в условиях пустыни и морящего солнца должна быть концентрация и энергия. Ну а попробовать местную кухню – обязанность каждого прибывшего, этакий военный туризм. В конце концов, где ты еще поешь шаурму с кукурузой, кроме как на берегу Евфрата? Шаурма, кстати, принесла мне меньше разочарований.

– Ну что, сдаешься? – спросил я, шмыгая носом и с трудом сдерживая слезы у своего товарища, который уже конкретно потек и глазами, и носом.

– Русские не сдаются, – сказал он мне и продолжил есть.

Не помню, как и зачем, но мы поспорили, что съедим по самой острой шаурме, потому что острое – тоже часть культуры. Мы сидели под ярким и жгучим солнцем и ели жгучую шаурму. Приятель пыхтел, пытался заглотить воздух в попытках остудить полость рта. Мне было менее тяжело, а приятель был близок к провалу. Слезы у него потекли сразу, у меня только начали проступать, друг уже начинал давиться.

– Да ебал я! – прохрипел товарищ и выкинул треть шаурмы с размаху на землю

Пробежавшая мимо сирийская собака, обычная дворняга, сразу поняла, что ей выпал джекпот. Убедившись, что от нас угрозы нет, она понюхала шаурму и, ни секунды не колеблясь, съела ее за полминуты. На мой немой вопрос к товарищу он ответил:

– Да она ебнутая, ей терять нечего!

– Андрюх, ты слабее арабской псины, – резюмировал я.

Он отмахнулся рукой, я выиграл спор. Правда, так и не запросил исполнения требований.

– Все, я не могу, – стонал Серега, лежа в расположении.

– Ну а че ты хочешь? Все, чем можно было помочь –

помогли. Активированный уголь, питье и обезболивающее. Терпи.

– Не, я завтра полечу в Химки! – продолжал корчиться Серега.

Либо это было отравление, либо настигшая его после всех акклиматизация. К удивлению, перестройка организма проходила не в первые дни прибытия, а гораздо позже, через месяц-два. Симптомы примерно одинаковые – тошнота, диарея, слабость и температура. У каждого в разной мере, сроком пару дней. У всех это имело схожие симптомы, но всегда в разное время, не день в день у всех разом – это нельзя списать на повальное отравление или некачественные продукты. Но Серегу скрутило сильно – он лежал, скорчившись, в перерывах между забегами в туалет.

– Да отлежись, завтра лучше будет, а в Химках застрянешь или ваще домой отправят! – доносила аргументация. Она была справедлива. Самолет-транспортник его увезет, а дальше может быть всякое: могут оставить дослуживать в Хмеймиме, могут отправить в Россию, если у него болезнь и нет смысла держать в военном госпитале, его могут вылечить и отправить назад, но это может занять неделю, а мы на неделю останемся без одного ствола.

– Да мне очень хреново, я не могу, – просипел Серега и отвернулся.

Завтра должен был прилететь самолет, забрать с дальних рубежей смену командиров, и нашего казначея за зарплатой.

Командир забронировал место для Сереги, потому что его состояние ни капли не было похоже на выдумку, а жизнь и здоровье человека – это самое важное. Да и ответственность, в случае страшного, на себя брать не хотелось. Также было забронировано место для двух наших операторов-беспилотников, которые отправлялись в Хмеймим с докладом.

На всякий случай было решено заказать у садыка бутилированной воды для Сереги, может, хоть так будет легче.

– И сигарет, – просипел Серега.

И сигарет.

Мухаммад сегодня был особенно строптив. Он принимал от нас заказ на воду и сигареты и завышал цену до неприличия.

– Но тамам! – торговались с ним, – Арба! Арба долларс!

– Но! – тряс головой садык и показывал пальцами цифру семь.

У меня было хорошее настроение, так как сегодня и завтра я не озадачен ничем, предварительно, соответственно буду находиться во дворце.

– Ай, ладно, гуляй, рванина. На, держи! – вытащил я семь долларов – помни мою доброту, псина ты сутулая, – расплылся я в улыбке. Садык кивнул и прыгнул в мопед.

– Богатый стал? Или перед садыком рисуешься? – с усмешкой спросил меня напарник.

И то, и то, наверное. Смесь снисхождения, гордыни, свободы и желание помочь Сереге позволили мне с легкостью вы-

дать жалкие для нас семь баксов и отпустить садька в магазин:

– Да пусть порадуется раз в жизни.

С утра Серега все же никуда не полетел. За ночь его организм очистился, с утра он даже попил чай. Он не спал всю ночь и отказался лететь в последний момент.

Троим приятелям пришли смс на телефон от родных и близких с общим содержанием «У тебя все в порядке? Ты жив?», что очень насторожило. Объявили срочное построение, но без сирен. Оставить по одному человеку на посту и собраться внутри здания.

Новость была шокирующей. Наш бешеный самолет потерпел крушение на подлете к Хмеймиму, все пассажиры, включая экипаж, погибли. Эта новость облетела всю Россию мгновенно, к нам же она пришла позже, хотя от нас самолет и улетал.

Остаток дня прошел в молчании. Казначей и два наших беспилотника были там. Отсутствие прямых новостей нас больше не тревожило – самое страшное мы узнали, остальное расскажут позже. Помянули парней водкой в кубрике молча. Не самый умный и уважаемый сослуживец все же спросил:

– А кто нам деньги привезет теперь? Сколько ждать-то?

– Заткнись нахуй, долбоеб! Просто завали ебальник, чтобы тебя не было слышно и видно! – максимально жестко и безапелляционно пресек его вопрос Серега.

У него был второй день рождения.

В Сирии потерпел крушение российский Ан-26

18:03 06.03.2018 (обновлено: 09:31 03.03.2020) 21183

© РИА Новости / Виталий Аньков / Перейти в фотобанк

Читать ria.ru в Google Новости

МОСКВА, 6 мар — РИА Новости. Российский военно-транспортный самолет Ан-26 во вторник днем потерпел крушение при заходе на посадку на сирийском аэродроме Хмеймим, на борту самолета, по предварительным данным, находились 26 пассажиров и шесть членов

Дары Востока.

Информация о том, что наша замена не за горами, нас постоянно настигала. Прошло уже несколько месяцев с нашей командировки, и, по всем законам жанра, уже пора. До нас то и дело доходили слухи о том, что это за бригада, вылетела она или нет, какой будет порядок действий смены и так далее. Слухи в армии – это неотъемлемая часть быта и жизни большого коллектива. Стоит любому случайному человеку с очень важным видом сказать утвердительно какую-то чушь – она сразу разнесется по бригаде, ее примут к сведению. По совокупности сказанной чуши, если она подтвердится из трех и более источников, то она уже будет набирать вес и превратится в полноценный слух. В основном это выглядит так: «У меня парнишка знакомый в штабе служит, говорит, что летом будет командировка в Ливию», а кто сказал этому парнишке такую информацию – неважно. Может, он подслушал какие-то гипотетические беседы командования в курилке, может, пересмотрел роликов в интернете, может ему точно так же сказанул сосед по кабинету – неважно. Весть пошла в массы. Если она не найдет поддержки хотя бы с трех разных батальонов, то это считается «прогоном» и умирает за пару дней. Если еще кто-то что-то «слышал», то новость может обсуждаться неделю.

Как бы то ни было, в связи с прекращением полетов, в дело вступили исключительно автомобильные колонны, со-

ответственно, замена затянется, даже если сменяющая нас бригада приедет со дня на день. От нашей точки до авиабазы Хмеймим было примерно 600 километров. Для автоколонны это два дня пути, так как после пяти часов вечера наступала команда «стоп колеса». Знал я это не понаслышке, так как одна из задач, которая мне предстояла – это сопровождение колонны от нас до Хмеймима. Я уезжал минимум на неделю, потому что два дня пути туда, там ожидание, пока сформируется новая колонна (а этом мог быть как день, так и три) и два дня пути назад. Наш командир роптал, что покидает один ствол, но это было ожидаемо, так как самолета больше нет, а колонны сопровождаются внутренними резервами и, если их не хватает, приходится брать людей по месту пребывания. Не скрою, что для меня такая командировка была просто роскошью, так как центральные трассы давно зачищены, на подобные колонны нападать – истинное самоубийство, а прокатиться по всей Сирии было очень интересно, раз уж Евфрат подкачал. Единственным изъяном данного мероприятия можно считать пребывание в уставной базе, но, как мне сказали, наши парни там живут в целом автономно, кроме походов в столовую, и в наряды без надобности не выходят.

Мне пришлось с собой взять все свои вещи – спальный мешок, туристическую пенку, чтобы спать на броне (на песке спать было немного небезопасно, так как просыпались скорпионы и прочие насекомые), «рыльно-мыльные» принад-

лежности, запасные трусы и носки. Оставлять что-то смысла не было, да и мало ли, сколько я просижу на базе. Может, обратно уже и не вернусь, поэтому было решено собираться полностью, весь рюкзак.

– Ну и пиздуй! – проводил меня напарник, с которым мы постоянно стояли на сменах, если конечно, дожидались друг друга.

– Ну и поеду. Что тебе привезти с большой земли?

– Звезду героя! – сразу нашелся ответ.

– А получишь пачку сигарет. Годится?

– Годится, – ответил напарник, потому что звезда героя еще ждет его, а местные сигареты – это настоящая дрянь, в Хмеймиме же продавались российские.

– Завтра в 6 утра встаешь и едешь до университета. Там будет формироваться колонна, командир колонны будет полковник Седов, доложишь ему.

– Принял.

Полковник Седов определил меня в бронекапсулу к водителю по имени Толик с нашего батальона, правда, я с ним до этого практически не виделся: его автозвод присоединили к нам вообще с другой части. Толик, очень дружелюбный и открытый парнишка, сразу сказал:

– Прыгай ко мне в кабину, отсюда колонна пустая будет до самой Пальмиры, а там к нам попутчики уже подсядут.

– Мы через Пальмиру проедем?

– Да. У нас там стоп будет на некоторое время.

Пальмира... Древний город, богатейший город античной цивилизации, ставший жемчужиной исторического наследия древнего мира. Примерно те же ощущения я испытал, что и при упоминании Евфрата, но на этот раз более конкретные, так как изображение изюминки Пальмиры видели все дети 90-х на черном учебнике по истории за пятый класс, и тут уже ошибки не должно было быть.

– Да броню тоже снимай, с собой в кабину возьми, каску тоже. Тут, если что, в окна бойница, ну а если ракетой прилетит – тебе никакая броня не поможет. Ехать 9 часов, ты умрешь в бронике сидеть.

Звучало логично. Я снял броню, положил рядом, обоймой с патронами вверх, чтобы в случае чего было быстрее достать, на соседнее сиденье положил автомат и максимально удобно расположился. Более трети пути нам предстояло продвигаться по пустыне, по глухой и убитой пустыне, такой привычной и такой чужой. Однако мы были с Толиком вдвоем, постоянно беседовали, курили, пили газировку. В колонну входила колесная техника, поэтому средняя скорость была приемлемой, порой разгонялись до 90 километров в час, если верить приборам, так как снаружи не определить скорость – дорога ровная, кругом песок.

Мы общались с Толиком, обменивались историями и мнениями о садыках, о масштабах войны, также делились слухами и информацией. У водителей тут была абсолютная своя служба, тяжелая и не менее рискованная, со своей романтикой и приключениями.

По радиации изредка давались указания начальника колонны о снижении скорости – с нами ехал тягач, который вез подбитый БТР, он чуть отставал.

Вид пустыни все же умеет удивлять. С одной стороны была возвышенность, настоящая стена из песка – частые перепады рельефа, после которых открылся сумасшедше красивый вид на горизонт, где вдали стояла огромная гора.

– Это что на ней? Снег?! – всматривался я в белую верхушку горы.

Толик усмехнулся и кивнул. Вот теперь я окончательно

был очарован контрастами пустыни. Невероятное ощущение смотреть на вершину горы, усыпанную снегом, пока раскаляется техника, везущая тебя по сердцу пустыни. Честно, я не мог определить расстояние до этой горы. Я так отчетливо видел верхушку и снег, но сама гора казалась настолько далекой, словно это какая-то декорация к пустыне. Пустыня, несмотря на название, все же имела свою жизнь и динамику. Подъезжая к Пальмире, я заметил, как менялся рельеф: между склонами и впадинами внезапно появлялись редкие колючки и кустарники, иногда даже какое-то подобие оазиса – небольшие островки зелени, словно высаженный по ошибке газон, также менялось направление и плотность ветра.

– Там, в «Пальме» наши пацаны стоят, стоянка будет, оттуда попутчиков возьмем – артиллеристов, – поведал Толик, – пару часов постоим, будет время с нашими парнями повидаться, они точно будут у магазина тереться, если не на посту.

– А там что, один магазин всего? – усмехнулся я.

– Да. Так город пустой, абсолютно. Там гражданских нет совсем, только пара семей торговцев и мухабаррад. Он несколько раз из рук в руки переходил, туда мирняк не запускают, себе дороже!

С виду Пальмира напоминала обычный город, как и многие другие при въезде – развороченные одноэтажки с торчащей арматурой, брошенная техника и сгоревшие машины. Типичный сирийский город войны. Но когда мы продвину-

лись дальше, вглубь, стало понятно, что этот город абсолютно другой. Это был богатый и туристический город – со множеством красивых домов, отелей и своеобразных построек. Среди высаженных декоративных пальм и кипарисов стояли красивые цветные дома с арками и колоннами, многое убранство сделано под мрамор. Более современные постройки выделялись обилием стекла, если таковое оставалось, переулки заканчивались и начинались фонтанчиками, статуями или другими декоративными постройками или высадками. На фоне былого величия, разруха войны ассоциировалась с трупными пятнами на юном и красивом теле, и смотреть на все это было жалко и грустно. Возможно, потому, что Пальмира – это мировое историческое достояние человечества, которое встало на пути пламени войны.

Город и правда был пустой.

Встречались лишь автомобили мухабаррада – их легко узнать. Чаще это огромные внедорожники-пикапы, блестящие и огромные, но редко с опознавательными знаками.

У единственного скопления людей колонна встала. Это означало, что есть пара часов времени на поиск своих ребят и, в идеале, хотя бы издали посмотреть на древние руины.

С первой задачей я справился моментально, лишь глянув на очередь к магазину – трое парней сразу и сходу мне помахали. Поздоровались, обнялись, сразу перешли к вопросам, моментально закурили.

– Ты в Химки? – парни знали, что через Пальмиру колон-

ны ходят только на базу.

– Ну да. Что у вас тут интересного?

– Да ничего, вон в крепости сидим, наше место дислокации, – сказал мне сослуживец и махнул рукой. Укрепление находилось на возвышенности, на которую подняться было проблемой – особенно в палящую жару.

– И вы так постоянно туда-сюда мотаетесь? – удивился я. – У нас в магазин специально обученный садык ездит.

– Красиво жить не запретишь, – развел руками сослуживец, – а у нас тут их практически нет. На опорниках стоят, да только режут их периодически.

– Ясно. Ну что, местные достопримечательности покажете? – спросил я парней, хотя прекрасно понимал, что у них своя служба и свои задачи.

– Какие? Древний город?

– Ну да.

– Покажем. Он вон там, – махнул мне рукой сослуживец с усмешкой, – с тебя косарь за экскурсию. Они заминированы все.

– Да не ссы, проезжать будешь дальше – их видно будет, по логике, – добавили сослуживцы, увидев мой грустнеющий вид.

Это меня обнадежило. Мы продолжили общаться, меняться слухами и данными, пока не подошла их очередь к покупкам. У парней служба отличалась от нашей, они практически не выезжали за пределы Пальмиры, выполняя зада-

чи непосредственно по прилегающим территориям города.

Пример укреплений в Пальмире.

Фото взято из открытых источников интернета.

Вскоре, к нашей машине подошли наши попутчики – артиллеристы, у которых закончилась командировка и они едут домой. Загорелые, счастливые, матерящиеся парни, которые моментально упаковались в капсулу, причем битком и с вещами, но их уже мало что могло огорчить – парни едут домой.

Колонна тронулась.

Я извертелся на месте, крутя головой в поисках древнего города.

– Да успокойся ты, за поворотом за этим я приторможу, – Толик сразу понял, что я ищу.

Это не было разочарованием. Руины я увидел издали и всего на несколько секунд, но оно того стоило. Они стояли поодаль от всего города, но мои сенсорные способности, казалось, сработали максимально – я разглядел, запечатлел и запомнил всю экспозицию, и не просто запомнил, а клеймом вбил себе в мозг. Я не мог отнестись к этому прохладно, как историк по образованию, я обязательно должен был это увидеть и прочувствовать. Самая короткая и самая запоминающаяся экскурсия в мире. Можно ехать дальше, хоть в самый ад. Величавые колонны, проросшие сквозь века, невероятно гармонично смотревшиеся на песчаном пейзаже, развалины, ставшие частью рельефа вокруг, но все же имеющие очертания построек – под солнцем пустыни это смотрелось монументально, громоздко и впечатляюще. В глубине души я надеялся, что война не коснулась этих сооружений и разрушены они были временем, а не убудками.

Жаль, что я не видел всего этого великолепия вблизи. Но это дало робкую надежду на возвращение. Уже туристом.

Однако поездка продолжалась, историй нам с Толиком хватило бы на месяц пути, а третья остановка на туалет и перекур означала, что мы в пути уже 6 часов, следующая оста-

новка будет ночлегом.

Ночевать предполагалось на территории аэропорта, но уже военного и действующего. Подъезжая к нему, мы вновь увидели здания, а значит – разруху и последствия войны. Правда, на данных строениях это не смотрелось настолько ужасно, потому что технические здания изначально строились убогими.

Робкая зелень, проступающая в виде колючек и кустарника, означала, что мы уже выехали из самого зноя пустыни – территориально мы уже были в провинции Хомс – а это соседняя с Латакией провинция. Скоро уже будет зелено и влажно, ну а пока – аэродром Тияс, но мы называли его с привязкой к населенному пункту – Тифор.

Тифор – это знаковая локация. Аэропорт и правда был большой по площади. Кучи КПП и шлагбаумов, которые охраняли вперемешку с сирийцами наши парни. Каждому своему обязательно машем рукой. Колонна пошла вглубь, к зданиям побольше, которые служили нашим командным пунктом и местом для стоянки и ночлега колонн.

Тут же, помимо стоящей авиации, параллельно находилось кладбище хозяев неба.

Типичный каменный ангар для самолета.

Фото взято из открытых источников интернета.

На данной базе располагалась и материально-техническая база для быстрого обслуживания техники, но для нас это был перевалочный пункт.

Колонна встала. Мы с Толиком вышли. В Тифоре точно были наши парни, я хотел найти их, тем более что «культурной программы» спланировано не было. Ужин, сон и развлечения устраивали себе сами. Свобода среди разрухи – это еще не значит анархия. Я вышел и размялся. Солнце еще не думало садиться, освещало все просторы вокруг, база же жила своей жизнью. Запускались двигатели, взлетали вертолеты, ездили грузовики, солдаты на постах несли службу.

– Я пошел до водителей, подходи туда, если что! – сказал мне Толик.

– Да я тут парней поищу с бригады.

– Ну смотри, они, скорее всего, там, – махнул он рукой в сторону зданий, – спать я буду в машине, так что если не найдешь места – то давай ко мне. В кабине поместимся, у меня люлька, а ты на сиденьях. Ну или на броне верхом.

– Отель «У Толяна»?

– Ну типа того. А, да, вон там, – махнул рукой в сторону разобранного самолета, – там садык торгует. Если сухпай не охота.

– О! Туда и направлюсь!

– А как же товарищи? – усмехнулся Толик.

– Товарищи никуда не денутся, а садык вот может!

– Ха! Братец, это товарищи могут деться, а этот садык тут будет вечно! Он тут стоит с самого начала войны, сука такая, зуб даю – с даишами (по арабски «даиш» – враг) тоже торговал!

На том и разошлись, пообещав вечером связаться или встретиться, чтоб не потеряться.

Окраины аэропорта с техникой.

Фото взято из открытых источников интернета.

Я прогулялся по базе, где можно было, но нигде не нашел парней со своей бригады. Как оказалось, их тут и не было, были только парни с роты Толика, там я не знал никого. Я побродил вдоль технических дорог, но никуда заходить далеко не стал, помня урок аэропорта в Дейр-Эз-Зоре – все может быть заминировано. А убитые самолеты и вертолеты я уже видел. Прибившись к какой-то компании, я получил возможность поужинать. Достав сухпай и то, что купил у садыка, согласился. Побеседовали, покурили, пообщались и разошлись каждый по своим местам для ночлега. Я пошел к ма-

шине, уже смеркалось, в сон уже немного клонило. По пути я слышал очень странный вой, похоже даже на плач.

– Шакалы, – объяснил мне Толик, – они тут всех достали. Умудряются воровать даже у постовых, их отстреливают постоянно. Одного садыка сожрали в километре отсюда.

– Это они так воют?

– Да. Причем непонятно, далеко они или близко. Вой одинаковый.

– Класс, – подумал я, – с утра урок истории, вечером – биологии.

Заснул я моментально.

На второй день колонна должна была добраться до провинции Латакии и базы Хмеймим. По мере продвижения колонны зелень побеждала пустыню, островки зелени становились плотнее, но самое главное – начали появляться гражданские автомобили, развязки, дорожные указатели, небольшие поселки и мирные жители. Свернули на указатель города Хомс – этот город стоял по пути нашего маршрута.

Он отличался от посещенных мною городов кардинально: тут были высотки, рекламные плакаты и щиты, плотные ряды жилых домов, развязки и виадуки – в целом, это был современный город, мало чем отличающийся от мировых городов, ну, разве что тем, что за него были плотные бои и его окрестности были в руинах. Отличался и быт, с виду гораздо более оживленное движение машин, причем разнообразных марок, как люксовых, так и нет, дороги расчищены,

и работает строительная техника, не было стихийных развалов и рынков, построенных из досок – вместо этого были магазины, расположенные в фасадах уцелевших зданий, либо отдельные строения с вывесками. Плотность населения куда выше, гораздо меньше женщин в парандже, да и вообще внешний вид людей отличался от людей из пустыни – более «европейская» одежда, отсутствие оружия в руках. Тут же стоят именно полицейские машины, белые и с мигалками, а не внедорожник с ДШК в багажнике.

Вскоре дорога круто повернула, мы поехали вдоль Средиземного моря – по самой зеленой зоне Сирии. Следующая остановка – город Тартус, портовый город, усеянный отелями, с некогда роскошной туристической зоной, сожранный войной, которая, с другой стороны, дала мне шанс это увидеть. Местные жители использовали бывшие отели просто как жилье, потому что о грядущем наплыве туристов приходится только мечтать.

Последняя остановка перед базой – у моря. Колонна военной техники остановилась у разрушенной, некогда красивой туристической базы у моря, я спрыгнул с КАМАЗа. Два дня пути по пустыне – я был уставший, мокрый и крайне грязный. Глазами волжанина я смотрел на скопление воды спокойно: огромные синие горизонты я видел и на Родине, вместе с кучей чаек. Но воздух... Воздух пах безмятежностью и чистотой. Этот запах обходил стороной все проблемы десятилетней войны этих земель, которые затронули, помимо

моей скромной персоны, всех людей этой страны. Этот запах лучше всякой ракеты обходил все преграды противовоздушной обороны, этот ветер Средиземного моря незаметно входил клинком в грудь самым бывалым разведчикам, десанникам и морпехам – ощущение свободы природы от оков войны и человеческого фактора обезоруживало нас всех своей чистотой и искренностью. Удивительно, как меня, русского человека, из центра необъятной страны будоражили открытые просторы. Пустыня, море. Огромное, желтое, синее.

Море я видел впервые в жизни. Я подошел к морю и положил свое оружие. Со странной аккуратностью, которой не было доселе на войне, я сложил магазины с патронами невероятно тщательно, наверно для того, чтобы уродство пуль не нарушало внешней гармонии пляжа и моря. Я сложил свои драные, потрепанные песком, временем и командировкой вещи настолько аккуратно, что позавидовал бы любой строевик Кремлевского полка перед показом казармы генералу. Вокруг меня были только мои боевые товарищи, которые так же ловили импульсы дикого моря на себе. Им было глубоко плевать, как я уложил свои патроны и маскировочный халат, но я решил, что для своей маленькой нирваны я должен именно сейчас уложить их педантично и по уставу, причем строго так и никак иначе. Правда, этот устав был только у меня в голове, этакий внутренний устав для этого пляжа, для этого дня, для этого момента. Немного постеснявшись своего голого тела, я подошел к морю. «В конце

концов, среди местных очень мало Аполлонов, так что море стерпит и меня». Я нырнул. Море приняло меня. Во время плавания я услышал очень странные для моего уха подводные звуки. Хотя мне не с чем сравнивать, наверное.

Я вынырнул. Плотность моря выталкивала меня, и я – огромный мужик, как поплавков, стоял в воде. Больше нырять не захотелось и вообще купаться. Импровизированное полотенце из куска простыни оказалось жестким и малопривлекательным: я просто растирал соль по телу.

Горькое послевкусие моря – хотя я старался не открывать рот – настигло меня. Соль моря очень приторна и максимально невозможна.

– Тьфу, блядь! – нарочно скорчил лицо перед товарищами, дабы восполнились их легкие гордостью за родную Волгу и пресную воду, – водица не вкусная что-то!

– Тьфу!.. Да!.. Фуух, чужбина! – донеслось в ответ. Парни с колонны тоже почуяли послевкусие соли моря. Не замерзнув вовсе, мы стали собираться. Кто-то перекурил, швырнув окурки в море. Гудок головной машины колонны заставил нас ускориться в сборах.

Кто-то, как я, тоскливо посмотрел вдаль секунду-две и запрыгнул в машину. До базы Хмеймим оставалось пара-тройка часов пути.

– Курорт! – усмехнулся я.

Глава 10

Духота.

Авиабазы Хмеймим на этот раз меня встретила неистойвой жарой. Влажный климат у моря сразу дал о себе знать – я моментально вспотел, почувствовал небольшой недостаток кислорода. После пустыни, где воздух был сухой и его казалось много, а солнце жгло, но не душило, тут было душно и очень жарко. Колонна прибыла, я спрыгнул для досмотра на первом КПП при въезде. Военная полиция тут смотрела машины на предмет смартфонов и запрещенных вещей – наркотики, «левое» оружие и прочее. Мне было бояться нечего, я просто ждал с документами на руках своей очереди. После осмотра рюкзака я прошел, дождался осмотра машины и сел обратно – нам с Толиком по пути, в наш жилой сектор уже на территории базы.

– Как выйдем, надо сразу мелькнуть в сектор. А то за такой вид нас сразу скрутят, и комбат уничтожит просто, – дал наставление Толян. Все же он почти местный, в перерывах между разъездами он находился на базе. Я полностью отвык от устава «Химок», и мне было крайне сложно перестроиться, хоть, не скрою, приятно было видеть зелень и море. Мы подъехали, из окна осмотрелись – нет ли военной полиции

рядом, Толик показал мне калитку, куда мне идти, а сам поехал в автопарк. Нельзя без разрешения просто так парковаться и бросать автомобиль. На каждое передвижение техники – приказ.

Я выскочил и забежал в расположение, где меня встретил комбат:

– Товарищ полковник, такой-то такой-то, прибыл, – доложился я. Естественно, комбат знал о моем прибытии

– Вольно. Что ж ты чмошный-то такой?

– Так из пустыни же, товарищ полковник. И в колонне ехал два дня.

– Давай, приводи себя в порядок, форма одежды уставная, вечером заступаешь в наряд по сектору.

– Есть!

Прекрасно, подумал я. Вышел командир взвода, мы с ним тепло поздоровались:

– Будешь жить в нашей палатке, хватай рюкзак.

Жилой сектор – это огороженная территория, где размещены большие палатки с койками, а также модули – бытовки, оборудованные под жилье. Также стоят отдельно санузлы – туалеты и душевые, в целом всем хватало. В душевых еще стояли стиральные машины, в общем, быт на высоте. Вход в сектор – через калитку, на которой стоит наряд. Войти можно через доклад, если ты не отсюда, даже военная полиция может стоять и ждать разрешения войти в случае простого посещения. Но без надобности они в жилые модули не за-

ходят. Также на территории сектора находился небольшой спортуголок – лавка для жима лежа, гантели, турник и брусья. Более чем замечательно. Вся жизнь в Хмеймиме – это наряды, посты, смены и тревоги, в 95% случаев учебные. В перерывах никто не мешает заниматься, что очень выручало. Войдя в палатку, я услышал звук – работал телевизор.

– Ух ты! Цивилизация! – обрадовался я.

– Ну так! Почти все федеральные каналы есть, смотрим иногда, как у нас тут в Сирии что происходит на самом деле, – усмехнулся взводный.

Мне выделили койку, я пошел в соседнюю палатку поздороваться с парнями. Служить в Хмеймиме осталась четверть нашего батальона, они несли службу внутри базы.

– Здорова, педики! – решил я зайти в палатку красиво и засмеялся

– Здорова, самоубийца!

Поздоровались, меня сразу потащили пить чай, общаться.

– Тут пиздец! – начали вводить меня в курс дела пацаны. – Ходим строем, комбат с ума сходит, метлами метем асфальт, иногда разгружаем машины, в общем – не соскучишься.

– Ты надолго? Как там пацаны? Что слышно вообще? – посыпались вопросы.

Я начал рассказывать, как нам служится в пустыне, что и как происходило. Парни слушали и вздыхали:

– Лучше б мы в пустыне торчали, а не тут! Ты надолго к нам?

– Не знаю, пока колонна не сформируется назад. Дня два-три максимум.

Парни вздохнули еще раз. Дальше пошли разговоры и расспросы со всех сторон. Я заступал в наряд сразу же, мне сказали, что оружейная комната наша, поэтому дежурный, отвечающий за оружие – от нашего батальона, помощники дежурного – дневальные – меняются между всеми подразделениями, живущими в жилом модуле. Ночью не спать посменно, заполнять журналы, днем следить за дневальными, что поддерживают порядок и быт. Также проверять связь с центром по главной радиостанции, ну и все. Основное – принимать и выдавать оружие у нарядов.

Вспомнить бы еще, как журналы вести.

– А, перед заступлением в наряд – построение на главном плацу, – напомнили мне. – Там везде полицаи, так что иди прыгай в уставное.

Я пошел приводить себя в порядок – душ, бритье, стирка. Вечером пошел на построение – инструктаж для заступающего наряда.

На плацу строились все заступающие наряды – многочисленные патрули, медики, охрана периметра. По ощущениям, не меньше чем наша часть в России, не меньше тысячи человек. А это далеко не все, база огромная.

Для меня было уже удивительно собираться таким большим количеством людей, так как постоянно приходят сообщения об атаках беспилотников. Попади один снаряд в тол-

пу людей и.. Но на базе есть ПВО, по логике, бояться нечего.

Заступив в наряд, я принял и пересчитал оружие и приступил к дежурству. Впереди меня ждала летняя ночь в Латакии.

Прекрасная ночь. Даже постоянно взлетающие самолеты, освещение и ночная жизнь базы не могли полностью убить тишину. Небо, усеянное звездами, чарующе притягивало взгляд, а тишина и таинство ночи обволакивало спокойствием сразу после того, как умолкала турбина истребителя – ночь тихая, ночь густая, ночь спокойная. В отличие от ночей в пустыне, где крепкий сон обуславливался стремлением организма максимально отдохнуть и разгрузиться, тут не слышно ни автоматных очередей, ни взрывов артиллерии, а легкий ветерок лишь освежал, а не нес песок в глаза. Вся уставная мишура дня ночью умирала, оставляя тебя один на один с летом, звездами и свежим воздухом.

– Смена прилетела. Ты остаешься тут, ждем всех остальных, – сказал мне начальник штаба. Фактически это означало конец командировки, отсюда я уже полечу домой. В пустыню я больше не поеду, что на секунду заставило меня чуть поностальгировать – я больше никогда не увижу песок, простор, уютные руины и садыков. Скорее даже то, что я не обернусь напоследок, мысленно прощаясь с местом, где провел несколько месяцев, не кивну напоследок той части самого себя, что навсегда останется там. Я – живой и здоровый, скоро улечу в Россию, а в Дейр-эз-Зоре осталась ментальная

часть меня, с которой я так и не попрощался.

Слух о том, что прибыла смена, облетел и взбудоражил весь лагерь: парни реально хотели домой. Меня же можно было оставить в пустыне, я бы продолжил службу на краю мира и на месяц, и на два. Только не тут, только не под уставом и дневной духотой.

– Пока в наряды походишь дежурным, дальше будет видно. Сегодня в автопарк пойдешь, со взводным, готовить технику к передаче, – продолжил начальник штаба.

Как выяснилось, за нашим взводом был закреплен БТР, который, впрочем, был не на ходу. Его приняли не на ходу, не на ходу и передаем. Максимально логично. По-военному «готовить технику» – это значит ее помыть. Я ничего не понимал в военной технике, потому что этим орудовал отдельный автовзвод, но в парк – так в парк. Нас было трое – взводник, я и Мишка. Других с нашего взвода не было, остальные были в пустыне, их мы и ждали.

– Значит, смотрите, надо его намыть, я пошел до «технички», надо ему колеса подкачать. Ведра и тряпки – вот, – раздал нам задачи командир и ушел.

Мы с Мишкой сели на БТР и закурили.

– Нахер, – резюмировал Мишка, я же спорить не стал.

Раздалась сирена, знаменующая тревогу. К моему удивлению, никто не побежал в рассыпную, согласно боевым порядкам, все спокойно начали выдвигаться. Стоит сказать, что над всей авиабазой был постоянный воздушный кон-

троль, видеонаблюдение, командование следило за выполнением порядка тревоги.

– У нас эти тревоги учебные задолбали. То воздух, то нападение, то воздух, то нападение, – ответил Мишка на мой немой взгляд.

По логике, если нападение, то мы обязаны вернуться в пункт дислокации и взять оружие, встать на указанные посты. Если воздух – искать укрытие. В целом, мы были в гаражном ангаре, так что вторую команду де-факто выполнили.

– То запланированные, то не пойми что. Надо узнать, какого вида тревога, а то уже заеб...

...Раздался взрыв, метрах в 150 от нас.

Я даже не помню, как мы с Мишкой очутились под БТР и успел ли он договорить предложение, о том, как их достали учебными тревогами.

Беспилотник все же умудрился скинуть снаряд. К счастью, никто не погиб, он упал на пустое и незаселенное место, все бойцы покинули свои рабочие места.

– Пиздец, – резюмировал Мишка.

Командование оценило данный инцидент серьезно. Теперь по территории базы мы перемещались только в броне и каске, однако собираться все вместе на построения не перестали. Стоит сказать, что силы ПВО в целом надежно защищают базу при условии постоянных атак беспилотников – для врага это был единственный способ хоть как-то щипать

наши силы. Но такие инциденты скорее исключение из правил, на которые реагируют максимально жестко и быстро.

– Сука, это ты за собой их приволок, – со смехом мне предъявили сослуживцы в секторе, – до тебя все спокойно было! Вали в свою пустыню обратно!

– Да я бы с удовольствием! – ответил я, надевая бронежилет на уже вспотевшую спину, чтобы идти на построение.

Дальнейший мой распорядок выглядел следующим образом: через сутки я заступал на дежурство по сектору, где я был ответственный за оружейную комнату и выдачу оружия, как дежурный по роте, в дни, когда я не заступал, я ходил на утренние построения, которые заканчивались всегда одинаково – под звуки оркестра мы строем шагали мимо командующего по постам. Выделялся из общем массы взвод медицинской роты – там были женщины. Они всегда притягивали взгляд, даже несмотря на то, что одинаковая для всех военная форма скрывала особенности фигуры, яркий макияж был запрещен – да и в условиях жары и влажности, макияж вообще так себе идея. Но видеть женские лица, голос и походку всегда было приятно, это был островок эстетики в круговороте данной службы.

К слову, в Дейр-Эз-Зоре местные женщины также были, более того, далеко не все ходили в парандже, но как сексуальный объект они рассматривались крайне редко и не всеми бойцами, по крайней мере, на том этапе службы. Посиди мы чуть дольше – не знаю, как бы сложилось отношение в

коллективе. С учетом того, что многие были семейные люди, тема местных женщин даже не особо поднималась среди нас.

Возможно, даже дело не в предпочтениях или внешности, хотя о вкусах не спорят. Скорее всего, дефолт-система отключила эту функцию, дабы не расшатывать дальнейшие функции организма в сторону фривольности, чего в зоне вооруженного конфликта не прощают. Расслабляться нельзя. Да и окружающая обстановка мало ассоциировалась с сексом. На медичек же смотреть было большим удовольствием, хотя опять же, никаких историй или подробностей секса внутри базы или слухов об их доступности не было никогда – по всей базе. Это достойно. Скорее просто было приятно, что рядом есть женщины – в теории красивые, если их переодеть из квадратных кителей и штанов, скрывающих женские черты, в вечерние платья. Возможно, присутствие женщин не давало нам волю для мужланства. В столовой при дамах не хотелось материться, а их воинское приветствие командования – хором, звонкими женскими голосами – вызывало улыбку и чуть тепла.

Заступая в наряд, мы двинулись по территории базы. Ровные газоны, покрашенные бордюры, выметенный асфальт, деревья, обнесенные клумбами, которые ухожены и политы. Красить бордюры, мести территорию и ухаживать за клумбами теперь приходилось тоже в бронежилетах и касках. Беспилотники не так страшны, как некрашенный бордюр перед

генералом. Проходящий мимо военный патруль нас остановил:

– Товарищ сержант, начальник патруля номер пять, старший сержант Иванов, – представился полицейский и обратился сразу к сослуживцу, с которым мы шли на построение перед нарядом, – почему у вас на автомате ремень не уставного вида?

– Потому что у меня нет другого. Я его к командировке купил, более удобный, – ответил максимально корректно товарищ.

– Это является нарушением внешнего вида. Я вынужден зафиксировать нарушение, – нас постепенно окружили четыре бойца патруля.

– Мужики, да хорош, да вы чего? – попытался я достучаться, с непривычки, до здравого смысла, – ну ремень и ремень! – меня сразу оборвал другой сослуживец, ткнув в спину.

– Не мужики, а товарищ старший сержант! – строго обратился ко мне начальник патруля.

– Да я понял, что не мужики, – съязвил я и решил уточнить, но уже по форме:

– Товарищ старший сержант, разрешите уточнить, как долго будет проходить процедура фиксации, что бы мы не опоздали на построение?

– Свободны! – хмуро ответил полицейский, зафиксировав все данные.

По приходу после развода нас встретил начальник штаба со словами:

– Ну еб твою мать, ну что на этот раз? – он уже чудесным образом был в курсе инцидента. Мы объяснили ему ситуацию, он молча развел руками – ясно. Шагать пойдешь, значит.

– Чего пойдешь делать? – спросил я у «провинившегося».

– Строевой заниматься, в воскресенье. И тогда все мои грехи будут искуплены. А начальник штаба так реагирует потому что ему придется теперь на это писать расследование и мне выговор объявлять, который снимут после того, как я отшагаю.

– Пиздец, – ответил я, – и что, так за каждый шаг?

– Да. Я видел, как два солдата шли друг напротив друга. Один ефрейтор, второй рядовой, один морпех, второй вообще водитель. Друг другу воинское приветствие не отдали – обоих записали, оба шагали.

Я попытался горестно вздохнуть полной грудью – не получилось. Духота устава и воздуха дышать не дает.

Я посмотрел в сторону, как мне казалось, пустыни и Дейр-эз-Зора, где, сидя на броне, мои товарищи едят шаурму, ходят в чем удобно, стреляют и дышат полной грудью. Куда я не вернусь.

«Скорей бы домой», – внезапно пролетело у меня в голове.

Псы войны.

Смена происходила медленно. Автоколонны, которые ввозят и вывозят бойцов на смену, идут минимум день-два, а позиций, которые раскидали на батальон – множество. Это и Дамаск, это и Алеппо, это и Латакия, Хомс, Хама... По прибытию в Хмеймим всех заселяли в уже родной 13-й район, где дожидались абсолютно всех, после чего формировались документы на убытие, потом ожидание выделенного борта и вылет домой. Дома – весна, дома тепло, дома ждут. В 13-м районе – лето, жара и ждут, когда мы улетим. Хотя признаться, последние дни в 13-м районе были вполне себе радужными и приятными. Нас уже не привлекали ни к каким задачам, мы просто ждали отправки домой – все самое тяжелое и страшное позади, сейчас просто пауза, затишье перед круговертью в России, послевкусие командировки. В 13-м районе нет устава, нет духоты и толп полицаев – мы поодаль, сюда не любят приходить просто так. Даже слышимые сирены тревоги мы игнорировали, (в случае если они учебные), а не учебная была лишь один раз, и то мы отреагировали только когда к нам прибежал соседний пост с криками «Вы чего тут орете? У нас вообще-то тревога!». Тогда командир дал команду и правда заткнуться, одеться в бронежилеты и пройти в места укрытия.

В остальное же время мы занимались привычным делом – обслуживали оружие, упаковывали его в ящики, а ящики складывали по палаткам, чтобы опечатать и забыть про него до вылета. Командир батальона и начальник штаба в основном были на базе, занятые оформлением бумаг на нас и переговорами по рейсу, с нами же были прямые командиры – ротные, взводники. Поэтому было чуть проще – перемещаться по району можно в чем угодно, а в условиях жары все предпочитали сланцы, шорты и тельняшку. Признаюсь, скучал я по ней в условиях пустыни. Тельняшка – гордость и заслуженный атрибут десантника, разведчика, ну и, разумеется, моряка. Коллектив всегда в прекрасном настроении, практически все уже обсуждали планы дома, показывали друг другу сувениры, которые везут домой. В основном – это ширпотребная дрянь, какие-то шкатулки и прочее. Также пользовались популярностью кальяны, сувенирные сладости и женские платки. В палатках многие просто лежали, беседуя, слушая музыку или играя в карты, кто-то постоянно звонил соскучившимся родственникам, кто-то ел. В столовую ходили все реже – неохота было окунаться в устав, да и в жаре голод притупляется, а ходить куда-то вдвойне лень. Чаше ходили в магазин, ели на закате солнца, кто-то умудрялся контрабандой затащить алкоголь и выпивать, но без перегибов, это очень чревато. Можно уехать домой первым рейсом – с позором, без регалий и сразу на увольнение.

В один из обычных вечеров, когда фоном звенела сирена

тревоги, я вышел покурить, а заодно полюбоваться видами вечерних гор в летнюю пору. Скоро лететь домой, я пытался максимально впитать в себя впечатления от чужого края, чтобы привезти их с собой, как самую дорогую память.

Тревога не смолкала, я стоял и курил в раздумьях. Вдруг на горизонте я увидел вспышку, стремительно набирающую высоту – это сработала система ПВО.

– Ой, – сказал я сам себе, – походу, броник лучше бы надеть.

Около недели прошло в режиме ожидания всех наших ребят со всех застав Сирии. Когда прибывали оставшиеся, они сразу и с большим удовольствием вникали в атмосферу лагеря, где некоторым пришла в голову мысль, что они недостаточно загорели, поэтому оставшееся время проводили, лежа на ковриках, периодически поливая себя водой для ровного загара. Спортсмены ожидали середины дня – разрешено бегать, а, соответственно, свободно передвигаться по всей базе в спортивной форме – так и бегали к уличному тренажерному залу.

Заваривался чай, вермишель быстрого приготовления, закуривались дорогие российские сигареты, велись беседы и истории со своих мест дислокации.

Вечером построение, и все ожидали одной новости – борт такого-то числа. Но происходила задержка, все же увезти целый батальон – это не один самолет.

Наконец, новость пришла – завтра домой. Порядок был

следующий – загрузка имущества, прохождение военной таможни на терминале и вылет.

Начались личные сборы, паковались вещи, кто-то купил специальную сумку, чтобы вместить все сувениры, а чтобы в пути им не причинить вреда – пространство внутри заполнялось тканью.

Ну, здравствуйте, ящики. В том же порядке грузим имущество: с лагеря в грузовики, с грузовиков в самолет, из самолета – в грузовик, из грузовика – в часть.

Но на этот раз ящики носились гораздо легче – легкость им придавала тоска по дому и желание скорее улететь.

Ящички, ящички, ящички.

Таможня представляла собой прохождение с личными рюкзаками через рамку и проверку документов – все это под руководством военной полиции. Самое страшное, что могло случиться – это если найдут забытый или случайно выпавший при разгрузке патрон. Это сразу «залет» и уголовное дело, поэтому во время сбора было сказано всем несколько раз все тщательно проверить.

– Братан, у тебя карман открылся, сейчас все вывалится! – послышался мне голос сзади.

Я обернулся – сзади стоял военный полицейский, который показывал мне пальцем на открывшийся клапан рюкзака.

– Спасибо! – удивился я.

Таможня пройдена успешно, мы встали у взлетной полосы. Можно скинуть рюкзак и закурить.

Сейчас нам скажут, где наш самолет, и...

Ил-76, дружелюбная твоя улыбка, ты нам как родной. Ящики залетели максимально быстро, но почему-то в этот раз все показалось гораздо теснее и плотнее, на этот раз уютно улечься не получится. Загрузив имущество, самолет заканчивал последние приготовления, нас же вывели на улицу, правда, курить не разрешалось.

– Да ладно, отойдите вон подальше, я вас провожу – отозвался один из полицейских, который стоял в оцеплении у самолета.

– Спасибо! – проследовали мы за ним.

– Все, домой летите? – спросил он нас.

– Да. Тебе сколько осталось?

– Да пиздец, еще два месяца в этих Химках. Я вообще-то не полицейский, я служил связистом. А сюда приехал, мне выдали красную повязку эту и сказали, что буду на аэродроме служить. Такие как я – оборотни в погонах! – пошутил он в конце

Мы докурили, поблагодарили «оборотня в погонах», я в последний раз обернулся и посмотрел на зеленые холмы, ощутил дуновения ветра и залез в самолет.

Борт взлетал, парни радостно захлопали в ладоши, засвистели – мы летим домой.

В этот раз я практически не спал – неудобно. Сделал попытку лечь на аппарель, что в хвосте фюзеляжа, но когда самолет набрал высоту, то стало очень холодно, пересел обрат-

но. В иллюминатор, при повороте самолета, я впервые увидел огни города с самолета – Дамаск. Ночной город с самолета, рельеф огней – это и правда выглядело красиво. Я ощутил себя туристом, так бы я мог лететь на курорт или в деловую поездку. Только не спецбортом на жесткой сидухе, уперевшись коленями в ящик с оружием, без возможности заснуть.

Борт коснулся родной земли. За бортом погода теплая, хоть и утро было хмурым. Мы аплодировали удачной посадке, борт ожил, мы завертелись на местах – мы дома! Уже ничего не может случиться плохого.

Открылась аппарель, нас встретили офицеры и солдаты, сопровождающие колонну, которая должна нас увезти в часть. Скоро, поприветствовав нас всех, подогнали машины и нужно было быстро перекидать имущество в грузовики. Общая усталость перелета и командировки как-то мгновенно накатила на нас – судя по всему, центральная нервная система, завидев родные просторы, моментально потребовала расслабления и спокойствия. Поэтому остатки силы надо было потратить на работу, а не на стенания по русской земле.

Ящики, ящики, ящики. Реактивно залетели в кузов грузовика, тем более, конвой нам помогал – дело практически сделано.

Прощай, «Илюша». Спасибо, что довез.

Загрузились в автобусы и тронулись. Встречающий нас офицер поехал с нами, в одном автобусе. Он беседовал с на-

ми, шутил, рассказывал, что происходило в части, пока нас не было, спрашивал у каждого ощущения. Потом он посмотрел на трех парней, сидящих на заднем сиденье, с рюкзаками на руках и спросил:

– Парни, а вы чего там вцепились в свои рюкзаки?

– А у нас там кальяны! Разбить боимся!

Майор качнул головой, усмехнулся и саркастически резюмировал:

– Псы войны...